

Часть третья
Распутница

Глава 1

1

И вот мы с ней, как в повторном кадре кино, спустя месяц снова в командировке, точно так же у Иришки в доме, точно так же нам отведена та же постель, но только теперь Наташа уже уверенно и смело целует меня, навалившись сверху, жарко и раскованно, а я обнимаю ее голое и горячее тело.

Она всегда спала голая. Она даже рассказывала, придя как-то после встречи Нового года ко мне домой в деревне, как она спала в одной постели с одним из своих друзей. Их положили за неимением больше мест вместе на один матрас, она сняла лифчик, сказав, что она дома так всегда спит. Он обомлел.

— Третий номер?

— Да.

— И ты так дома всегда?

— Я даже при папе утром так хожу.

Они вместе хохотали, пили в темноте вино, залили им даже простыни, визжали, потом люди по этим звукам думали, что у них там что-то происходило...

Но как бы ни спала она раздетая, в одних стрингах, в этих шнурочках, в этом клочке, в этом крохотном лепестке материи, как бы ни выглядела она в нем совершенно голой, как бы ни были открыты для прикосновения и взгляда все божествен-

ные гладкие нежные выпуклости, словно она пребывала без всякой одежды вообще, но, тем не менее, этот клочок материи, плотно и компактно обтягивая именно то, что как раз и не делало ее совершенно голой, превращал ее в абсолютно защищенную. Так что она в таком виде могла смело ходить даже по дому, ни капли, кстати, не замерзая, и даже действительно на Новый год лечь с кем-то в одну постель, не чувствуя себя под угрозой или неловко. Как в поясе целомудрия, как в кольчужке.

В моем же случае, как бы ни перекладывалась вся ответственность от ее инициативы на нее, на ее смелость, на ее намеренность, как бы все это ни освобождало меня от ответственности в развращении девушки старым сатиром и от упреков в мезальянсе, и от раскаяний и угрызений совести, все же от меня потребовалось сказать эти преступные и ключевые, сакраментальные последние слова, без которых я не смог обойтись и которые сразу лишили меня всех оправданий и повергли в глубокую пучину ада и угрызений совести, что-то типа всегда говоримого в подобной ситуации: сними трусики... Давай ты снимешь трусики... Или: давай я надену резинку, а ты снимешь трусики... Или еще что-то подобное. Слов, без которых нет входа в этот жгуче-сладостный ключевой момент. И я что-то подобное сказал. И она трусики сняла.

И после этого, Господи, если бы я еще не боялся того, что я могу вдруг как-то не соответствовать ей в моем возрасте... я бы был счастлив настолько, насколько может быть счастлив человек, наконец получивший то, о чем он мечтал всю жизнь. Потому что даже Иришка, которая знала на правах старой подруги все мои увлечения и всех моих жен, сказала мне на другой день с улыбкой поощрения и даже радости за меня, принося в жертву свое самолюбие: у тебя такой девочки не было никогда! Как ни обидна была эта констатация факта по отношению ко всей моей прожитой жизни и как ни усердствовала она, чтобы сделать мне приятное, в подчеркивании этого, где-то она все же была права. Это соответствовало действительности. Если говорить о теле, о таком теле, о котором мечтаешь именно в молодости, о котором фантазируешь, пускаешь слюни, засматриваешься на картинках, которого из-за этого робеешь и которое достается поэтому всегда другим, более сильным, смелым и наглым, а тебе достаются чудотворные курносенькие интеллигентки, — то, конечно, такого у меня

не было никогда. Я это осознавал отчетливо. И еще осознавал, как досадно, что такое дается тебе именно в твоём статусе состоявшегося человека, а не тогда, когда ты в этом так нуждался...

И поэтому, когда у меня в обладании было ее тело, я был на полпути сказать: остановись, мгновение. Удерживало меня лишь то, что она была невинна. Именно невинна. При всей ее смелости, инициативе и старании, при котором она даже стонала как опытная женщина, она была, как и следовало ожидать, бесстрашна. Бесстрашна, как многие девушки в ее годы. Целомудрие как божья печать. И это для взрослого человека, прошедшего огонь, воду и медные трубы, всякие другие вещи с женами и другими женщинами, привычного уже к другому, было, конечно, несколько недостаточным.

Самое сладостное в этой ситуации было то, что она продолжала называть меня по имени и отчеству. Даже ночью:

— Александр Борисович!

И весь день и далее по жизни. И как бы эта ситуация ни была порочна, это было до такой степени сладостно, что не вызывало у меня желания что-то в этом обращении менять.

И еще ее слова на мою бороду:

— Вы *коляетесь*...

Поистине слово, которое, несмотря на отсутствие его в любом словаре, приносило мне просто наслаждение, и я даже попыток не сделал к его искоренению.

У нас это повторилось и на следующую ночь, и еще на следующую. И целую неделю. Днем я был в бегах и в работе, Наташа в основном у меня дома, а вечером мы ехали в город, где жила Иришка, тратя на дорогу часа два. Я, конечно, уставал от такого напряженного распорядка дня, и вся неделя у меня прошла как в тумане. Я даже не осознал до конца произошедших интимных событий.

Ничего не изменилось в наших отношениях днем, разве что я стал немного развязнее, на что мне указала даже Иришка, сказав: «не обижай ее». Что я принял к сведению и отговорился тем, что это у меня происходило больше от загруженности откуда-то вдруг взявшейся работой. Проблемы на производстве возникли из ничего, и надо было их срочно решить. И на самом деле это были проблемы. Они меня выматывали. Я не посвящал ей внимание пол-

ностью днем, хотя понимал, что надо бы. И если бы я знал, что будет через неделю, я бы плюнул на всю работу и на все проблемы и посвятил ей каждый свой час, каждую свою секунду.

— Ты меня извини, — сказал я ей, — у меня сейчас большие трудности на работе, и я просто в тот комок, островок счастья, который ты мне подарила, еще до конца не вчувствовался, не дал себе об этом подумать, оставил на потом, чтобы порадоваться в полной мере в спокойной обстановке.

— Счастья? — переспросила она...

Отношения у нас были практически супружеские. У взрослых людей они очень быстро входят в это русло. Быстро превращаются из сумасшествия просто в постель. Во что-то обычное, достаточно обыденное. Хотя через полдня, находясь на работе, я уже звонил ей, не мог не позвонить, рука сама вытаскивала телефон, и я говорил ей:

— Я скучаю...

И был счастлив, что она там, где-то у меня дома, есть и что отвечает:

— Я скучаю тоже.

А уж как радостно было дома ее застать!

У нее же никаких изменений в физиологии. Я лишь замечал, что она что-то анализирует, соотношает, сравнивает, смотрит со стороны. Например, внезапно и без особого повода потрепала мою грудь. Погладила по шее и больше не стала именно там гладить. Но как я ни старался, главного испытывать не начала. И это не от меня зависело, не от моих усилий или их отсутствия, и моей неопытности, спешки или моих данных. Она все так же продолжала смотреть со стороны. Позже она мне скажет, что с Сергеем они начали вести половую жизнь еще до его ухода в армию, за год до призыва, мне она просто стеснялась, уважая мою веру в ее девственность, это сказать, и после ухода его в армию у нее было несколько приключений с другими. Это она тоже рассказала откровенно. А спектакль с потерей девственности в армии, который она затеяла, это было просто чтобы мне развязать руки. Дать простор. И все поставить на свои места. Восстановить статус кво. Так вот, имея половую близость уже больше года, она все равно оставалась бесчувственна, так что в ее бесчувствии не я был

повинен, хотя и старался и тешил себя самолюбивой надеждой, что мне ее удастся расшевелить, нет, причиной была ее нервная организация.

— Зря таилась и притворялась, что не девственница, девственность — это не физическое явление, а состояние. Ты все равно девственница по Божьей печати судьбы. Ты холодна.

— И что же мне делать?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Читай классиков, в отличие от современных, прожужжавших уши о сексе, они всегда правы. Например, у Гоголя в «Избранных местах» есть письмо к женщине... Что может красивая женщина в мире? О, да она может все! Это ерунда, что сейчас говорят о том, что главное. И что любовь — это и есть секс. Совсем нет, любовь — это красота. По крайней мере в женщине это красота. И предназначение женщины необъятно. Бог недаром повелел иным женщинам быть красавицами. Все идет от них. Все в мире делается для них, вокруг них крутятся все колеса. Сколько из-за красивых женщин было войн в истории и трагедий. Гоголь говорит, «если уж один бессмысленный каприз красавицы бывал причиной войн и всемирных переворотов, то что же может получиться, если каприз этот будет осмыслен и направлен к добру?..»

— Так что у тебя всегда есть в запасе иной путь. Причем гораздо более значимый.

Но учить-то учил ее по Гоголю, а хотел, чтобы она была, как женщина, со мной. Со мной любимым.

— Совсем ничего не чувствуешь?

— Да нет, мне приятно, — говорила она. — Особенно когда грудь ласкают.

Но и только. Я изучал подходы к ней и откладывал все на потом, ничто не произойдет за день-два... Если бы знал, что мне не хватит времени, я бы круглосуточно проводил с ней дома. Потому что она нашим отношениям отвела только неделю. Она продумала все заранее.

В последний день она была нежна со мной. По дороге от Иришки, сидя рядом в машине, перебирала у меня на голове волосы, говоря:

— Ведь все кончается, что вы делаете в этот момент? Как боитесь?

— Не знаю — ответил я, потому что в этот момент ни о чем не думал, я был растроган ее лаской и чуть ли не мурлыкал. — У меня есть выход из положения вообще-то. Всегда был, — сказал я. — Я могу писать... Это, в общем-то, и было всегда моим выходом из положения.

Дома она попросила остаться ночевать мою домоправительницу под предлогом, что той уже поздно идти домой, и закрыла дверь в свою комнату.

Я потом терялся в догадках, думал: что причиной? Ошибка, что-то не так сказал?.. Корил себя за свое поведение. Я все так же по трафарету думал, что, раз взял девушку, она от тебя зависит и будет твоя навсегда, и не особенно задумывался о том, что не только ты, но и она может все это закончить, прервать, и относил нежность и любовь на более позднее время, когда разделюсь с делами, считая, что все решено, и единственное, что может случиться, это обиды и недоразумения, которые всегда можно разрешить. Но это было не про нее. Она отвела нашей близости только неделю. Все остальные отношения она очень хотела сохранить. Они ей казались намного существеннее.

В отличие от меня она была гораздо последовательнее.

2

Обратно мы поехали поездом в СВ. Я специально взял СВ., чтобы мы были с ней наедине почти трое суток. Но и в поезде я не смог прежние отношения возобновить.

— Больше у нас не будет. Так надо.

— Зачем ты вообще тогда это затеяла?

Опять прошло минут десять, пока она ответила.

— Я давно задумала уже вам отдался. Я видела ваши глаза. Я понимала, что у нас нет будущего, но я вас уважала и ценила и понимала, что вы у меня на всю жизнь. Я ведь это искренне говорю и трезво осознаю всю ситуацию.

— Выйдешь за своего Сергея? — ревновал я.

— Нет, не выйду, я теперь буду свободная женщина.

— Я же предупреждал, если не выйдешь за Сергея, судьба и тело тебя заставят быть шлюхой. Свободная женщина — это для шлюхи только эвфемизм.

Тем не менее на одну близость я ее все же склонил. Видимо, тут роль сыграл поезд, постукивания колес, покачивание спальных полок, особая дорожная атмосфера — это было так своеобразно, и она ко мне снизошла... Она сама к концу второго дня, загадочно улыбнувшись, попросила принести из ресторана бутылку мартини, выпила несколько фужеров и под натиском моих ласк сдалась, и даже что-то как бы испытала, по крайней мере забылась, и я уже наметил путь к тому, что и как надо делать, чтобы и у нее это было, чтобы она могла испытать то, чего она ждет, о чем догадывается по рассказам подруг и по воспоминаниям, оставшимся от снов, скажем, в общем, то, что должно быть.

И это было еще больше, поскольку оказалось последним.

3

На другой день немолодой уже цыган, с золотыми зубами и с полосатой китайской сумкой, продававший в поезде вязанные из козьей шерсти шарфы, увидев в открытую дверь ее, в шортах и белой маечке, лежащую с журналом на своей полке, вдруг бросил всю свою торговлю и стал ее звать с собой.

— Три шарфа дам! Четыре!

Она только смеялась.

— Это только подтверждение моих слов о твоём уделе, — заметил я через стол со своей полки, опуская книгу.

— Я девственница, — сказала она ему.

— Увезу с собой, женюсь! — не унимался он.

Вывел-таки ее в тамбур покурить — от приключения она ведь никогда не могла отказаться, где она даже позволила ему ущипнуть себя за попку, чтобы он убедился в ее невинности.

Он ушел. Но потом вернулся с телефоном и стал ее фотографировать...

— Это уже для мастурбации, — прокомментировал я после его ухода. — Что ты делаешь с людьми!..

Но мы немного друг к другу потеплели. Она стала ласковой опять.

И вот мы вернулись в деревню.

Я так исстрадался, и сплю мало, и похудел, да мы оба с ней похудели еще в командировке, — что мне пришлось переставить пряжку ремня в следующее положение.

Вез ее домой и чувствовал ее любовь ко мне, что я владею ее душонкой, на которую тело не обращает внимания, и нам хорошо в машине с этой ее душонкой вдвоем. Хотя опять говорили об ее Сергее, обсуждали его хорошие стороны. Но в то же время хорошо-то на самом деле было именно нам с ней, причем при разговорах о ее будущей с ним жизни. Парадоксально. Так тепло и покойно друг с другом, как бывает перед неизбежным расставанием. А при расставании чувствовал, что она так близка, что жалеет о своих отказах мне, хочет даже, чтобы я ее поцеловал. Но не смог ее поцеловать: как же, деликатность, говорим о любимом, о любви к другому...

А она так хотела!

И опять упустил момент. Как всегда. Не используешь момент из-за своих высоких принципов. А ведь желанный момент никогда не повторяется.

Провел весь день в боли и ночью спал только до четырех утра.

Но мы продолжали вместе работать. Я ждал ее приезда утром. Она заходила в дом, и мы спешили обняться. Крепко и так, что я чувствовал ее груди. И я понимал, что и ей приятно это утреннее объятие. Но потом размыкали руки и, отводя друг от друга взгляды, уходили в разные стороны и уже весь день не соприкасались, уклоняясь от повторных объятий и занимаясь делами. А какие еще могли быть дела? По крайней мере у меня — только она! И единственное, что я делал, это только ждал ее, и баловал ее, и по мере возможности пытался ее воспитывать, подсовывая книги типа «Маленького принца» Экзюпери, Толстого, Гамсуна. В то время как никакому воспитанию она уже не поддавалась, по своему птушному принципу, почувствовав себя главной и желанной, она только капризничала и даже не помогала мне с уборкой дома, грубила, разыгрывала сцены.

— Ты ведь умница, и мы все это, связанное с подчинением одного другому, уже прошли, — говорил я, — у тебя есть рефлексия, ты ведь можешь за собой наблюдать, не позволяя природе определять твоё поведение. Механизм «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей» уже не проходит, я теперь уже не смогу притворяться холодным, мне смысла нет, с твоим отказом в близких отношениях любить тебя единственное, что мне остается. И я буду тебя просто любить. Но не попадайся на моей безропотности. Не становись стервозной. Не ведись на то, что я буду приторным и сентиментальным, без конца буду объясняться в любви и назойливо стараться сделать тебе приятное, что буду со своей любовью навязчивым.

На уровне сознания она понимала, и соглашалась со мной, и соглашалась терпеть мою назойливость, охотно поддакивала мне, но на инстинктивном половом уровне все равно реагировала трафаретно. И тут трудно было что-то исправить. Она хотела авторитетного человека, а в ее мире это был только сильный и авторитарный человек. Каким я уже быть не мог.

— Я всегда не люблю, когда делают лишнее, когда навязываются и надоедают своей заботой. Не могу себя сдерживать, так и хочется наругать или все бросить. У меня даже нежность пропадает.

— Такова природа. Почти всегда кто-то любит больше, а кто-то меньше. Любовь редко совпадает по фазе. Это как сообщающиеся сосуды: один устает и отступает, тогда другой начинает ценить и любить. Замкнутый круг, а потом сожалеют оба, что не пользовались любовью и заботой вовремя.

А иногда увозил ее домой и по дороге явно чувствовал такую ее нежность к себе, что у меня сердце даже начинало колотиться чаще, но все же, боясь, что оттолкнет или отвернется, не делал попыток целоваться даже на прощание, отодвигался только подальше и, махнув рукой, говорил:

— Прекрати, от тебя пышет таким жаром! Ты меня волнуешь.

drugu

Боша, я не могу заставлять ее себя любить. Я не могу за любовь бороться. Вообще бороться за женщину — это такая тоска. Ну, уложишь ты ее в постель. Ну, сделаешь ты что-нибудь, расста-

вишь силки и капканы так, что она сама в твоей постели окажется. И что? Мне же не это надо. Тем более что у меня это уже было, своего я вроде бы добился. Но я хочу любви. Не собственности. Хотя, конечно, и собственности, честно сказать, хочу тоже. Да так, чтобы никого не подпускать и сделать все, чтобы она без меня не могла и дня прожить. Мечтаю сделать ее такой же, как я сам сейчас, со своей любовью к ней навязчивый.

Кстати, после чего, пожалуй, она наскучит мне точно так же по трафарету.

5

Она стала анализировать свою агрессивность. Это я стал понимать по тому, что она приводила постоянно примеры своего агрессивного поведения. Я сначала думал, что это она так бахвалится, потому что она не испытывала никакого раскаяния в том, о чем рассказывала, ей интересно было просто приводить примеры и только.

Как она бабочку сожгла.

— Зажигалкой. Сначала одно крылышко — она машет другим крылом, потом второе — живет, потом всю...

Как муравейник подожгла. Обложила листвою и зажгла. И он сгорел до основания.

— Не жалко?

— Нет, они ведь маленькие...

Как в детстве давила лягушек. Ногой...

И я вспомнил, как, служа в армии, в первые полгода, в «учебке», встречал людей, которые могли «экспериментировать» с выпавшими из гнезд птенцами. Не оперившимися еще до конца слетками. Достать из пилотки положенную там держать солдату иголку и сначала проткнуть один глаз у птенца, а потом с любопытством на лице другой. Что там прокалывалось следующее, я уже не смог трел, потому что уходил из курительной беседки подальше.

— Ты меня порой пугаешь. Зачем ты это делала?

— Лягушек? Не знаю, — улыбалась она. — Говорили приметта такая: раздавишь — дождь пойдет. Ни разу не пошел.

Как с Вовчиком топили ежика в бочке с водой. Как пинали всей семьей женщину, обидевшую ее братика, — это, правда, она уже

пересказала мне на Востоке, сама не присутствуя при экзекуции, ей рассказала об этом по телефону мама.

Женщина-пьяница, жившая этажом ниже, прокричала ее братику зло: «Ты скоро тоже умрешь!»

И они всей семьей пошли ее бить. Избили. И потом время от времени спускались к ней в дом и еще пинали ногами. Она милицию вызвала, но когда милиционер пришел и разобрался, то, как Наташа рассказала, тоже ее напинал и пошел к ним чай пить. Совершенно жестокая сцена, для людей моего круга какая-то патология просто. А Наташа под воздействием семейного эгрегора рассказывала об этом с невинным выражением лица. Даже с восхищением. И я терялся: почему? И зачем она все это только мне говорит? А, наверное, это просто всплывало в ее сознании, и она сама пыталась разобраться, выделяла, осознавала, а это уже было хорошо. В ней шла какая-то работа...

— Я ведь преодолевала свою жалость к Сергею. Да и любовь тоже. Еще мы в ссоре, увижу его и пожалею, что не вместе. Но преодолеваю... А вчера протираю в комнате пыль, смотрю — много игрушек, самых разных, я люблю игрушки, и много из тех, что Сергей дарил, расслабилась так, заплакать захотелось, позвонить ему. Но переборола. Подумала о другом, фильм поставила, посмотрела кино, потом снова достала игрушки и взяла тряпку довытереть пыль, расставила игрушки на компьютере, и хожу мимо, и уже ничего. И даже смеюсь над собой.

Вам хуже, вы в одиночестве, мне, когда плохо, я могу пойти гулять, к друзьям, там проходит.

Надо вспоминать о плохом, о недостатках, тогда изгонишь все...

drugu

Вместе со слезами она запретила себе и боль испытывать.

Она ее мужественно преодолевает. Даже болевой прием на себе как-то попросила провести.

— Все ребята друг у друга руки заламывают, упражняются, ну я же не могу мимо пройти. Ну и напросилась. Кричать не кричала, терпела, но рука потом в локте две недели вся синяя была... правда, больше ломать руку уже не напрашивалась...

Постоянно учится себя строить и управлять своими чувствами.

Ездили на кладбище к Маше.

— Я иногда по неделе к Маше не хожу. Хожу, когда захочу. Последний раз была, когда мы с Востока приехали. А вчера так задумалась о ней, так захотелось сходить. Хотела поплакать. Вспомнила, фотографии посмотрела, и ведь не получилось поплакать.

Я свозил ее на кладбище. Вообще, эти вещи самые показательные. Много о человеке в этот момент понимаешь. Прошла по кладбищу, вошла в оградку, без аффектации, без подчеркивания горя. Поцеловала фотографию, поправила цепочку, погладила крест, пощупала игрушку плюшевую в пакете. Всплакнула? Может быть. Но не видно было. Ровно проговорила, что тут еще должно быть, что они задумали еще поставить стол в виде пианино...

drugu

Выработала в себе способность не возбуждаться. Целая система. Держать себя в узде, в руках, глушить. Я могу касаться ее ноги в машине, когда едем.

— Когда мне в машине ногу гладят, я уже не реагирую. Потому что все гладили, и я себя отучила реагировать. За грудь я еще не отвечаю, но все остальное мне по барабану.

Она потом делилась, когда мне пришлось вылезать из ямы влюбленности, даже своей системой. Как строить себя, как не влюбляться. Как освободиться от любви.

— Могу ли я написать книгу? Как вы думаете?

И записала в блокноте примерно так:

«Любовь — странная штука. Она то возникает, то гаснет. Как понять ее? Вообще есть ли она? И вот бы разобраться, есть ли такое, а самое главное, научиться ее контролировать.»

По моему мнению, любовь — это эйфория, которая длится определенное время, а потом проходит. Пропадает, исчезает, идет уже привычка к человеку...»

— Я себе даже плакать сейчас не даю, сяду, сожмусь, и назад их, слезы.

— Но почему? Плакать ведь хорошо:
«Порой опять гармонией уплююсь,
над вымыслом слезами обольюсь...»

Она ответила, как часто делала, только через несколько секунд.

— Было время, когда я была добрая. Может быть, потому что ходила в церковь и все плакала, всех жалела, всем помогала, обо всех думала. Но потом вдруг решила: нет, буду злой. И стала злой.

Но вдруг расскажет, как нищую пригрела, привела домой и одарила всякими тряпками. Или обвинит меня в равнодушии за то, что я как-то вечером в Москве проехал мимо девушки, стоящей на проезжей части дороги на коленях со сложенными в мольбе руками. Я сделал глупость, рассказал ей об этом эпизоде.

— Почему вы ее не подобрали?

— Там было полно народа, и машин полно, оживленнейшее движение, а она стоит прямо на проезжей части. В таких случаях всегда попадаешь в глупое положение. Может, наркоманка? Или пьяная?

— Ну и что?

— А может быть, ей что-то другое надо?

— Ну, вы бы и спросили... На коленях так просто не стоят.

— Ну да, конечно, какой-нибудь стресс... Но с другой стороны, такой только встать на дороге — и ее всякий подберет.

— Что ж вы-то не подобрали?

— Не знаю, — уже оправдывался я. — В таких случаях всегда уступаешь место другому...

— Может, у нее горе.

— Понятно, истерика. Но чем бы я помог? Тем более, что полным-полно народа. Представь, остановился я, и что?..

Она только фыркнула и долго на меня была в обиде.

Или она расскажет, как она в подростковом возрасте по поселку в красном ходила. И все машины останавливались. «Я тогда думала, что это от восхищения. А это, оказывается, цвет просто характерный был... И топик, сумочка.»

И зачем? Почему расскажет? В ней шел какой-то процесс, переосмысление, хотя с виду такая же шлюха.

А вот откуда иногда доброта в душе, непонятно. Но у нее это было!

И снова это лидерство...

Сама признается:

— Как почувствую, что не лидер, либо претендентку побью, либо... вот, в поезде едем со студентами в одном купе, учащимися в каком-нибудь столичном вузе, я выжду, когда они на свои темы наговорятся, долго жду, и все равно на свое разговор переведу, где я хорошо ориентируюсь, и всем станет интересно, и опять я центр внимания, опять лидер.

7

А потом мы ездили в районный сбербанк по моим делам, совершенно обычная деловая поездка, и я по дороге туда все спрашивал, как она может быть такая злая, пинаться, драться, специально искать по поселку мальчиков, которые ее обидели, чтобы побить. Непонятно.

— Я вот даже не мог никогда сознательно ударить кого-то, даже в юности, только в порыве раздражения или от боли, но чтоб специально... Для меня все это так загадочно, чтобы сознательно поехать бить...

И еще на подъезде к банку она яростно спорила, какие слова слышатся в песне у Светы&Амстердам. Она считала одно, я слышал другое. Мы поставили диск, и она победила. Ее правота подтвердилась. Оказалось, именно те слова. И торжество на лице такое!..

— Ну и что ты так довольна-то? Даже смешно. Глупо так торжествовать.

— Но на самом деле очень приятно. Я ощущаю всегда такое торжество!..

— Ведь по самому пустяковому поводу. Ты посмотри на себя со стороны. Такая птушность, что просто стыдно становится, а ты даже не стесняешься.

А потом через полчаса, когда я вышел из сбербанка, где меня опять поставили в конец очереди, из-за моей так называемой скромности, интеллигентности и воспитанности, опять заставили долго ждать и бессмысленно переходить от одного специалиста к другому, — садясь уже за руль, вдруг сказал ей, ожидавшей все это время меня в машине:

— А ты мне и не нужна добрая! Не слушай меня никогда! Не обращай на мои разглагольствования внимания. Ты мне нужна именно злая! Такая, какая ты есть и каким я никогда не буду. Не смогу стать. Пропускай мои морализаторства мимо ушей. Именно такая!..

И когда поехали, вдруг невольно потянулись друг к другу, опять обнялись и поцеловались и так сплели вокруг друг друга руки, что я даже руль бросил. И она уже готова была, и по дороге позволила поцеловать себя в губы, которые всегда прятала, и даже обняла, прижав к себе мою голову, забыв даже про то, что мы на дороге. Мне даже пришлось притормозить. А она потом оторвалась от меня и сказала: дорога!

И опять, получается, моя. Опять мне хорошо, и я счастлив. Пусть она меня и отстранила и опять стала выдерживать свою линию.

podruge

Нет, положительно как у Верхарна: «И убежала ты, и убежала, и вновь в моих объятьях трепетала, нет, жить тобой душа не уставала».

drugu

Все, плевать! Плевать на все, на нравственность, на мнение людей, на ее домостроевцев-родителей. Соглашаюсь, что это преступная любовь. И все на этом. Точка. Плевать на ее целомудрие. На совращение малых сих. Хватит страдать. Если не это, то ничего нет, иначе пустыня, иначе ничего не происходит в мире!..

Письмо от друга

Увези ее с собой в горы. Или на производство.

okhotnik.ru

Сон про медведя

Проснулся оттого, что показалось, у меня этот сон уже был. И это был повтор. И что кто-то, может быть, и не она, не Наташа, но именно сильный человек, исключительно драчливый и жестокий, какой только и может справиться с медведем, забил медведя насмерть.

Он начал бить первым и бил, бил его так, что, как сам ни пострадал, какие раны от медвежьих лап ни получил, все же лишил его жизни.

Проснулся оттого, что понял: раз повторяется сон, то на него надо обратить внимание, это, видимо, важно. И, как открытие, как ключ ко всей ситуации, вдруг осознал, окончательно проснувшись, что если бы не так, если бы не такой человек, если бы не начал бить первым, то всего одного пропущенного прямого удара от медведя было бы достаточно, чтобы распрощаться со своей жизнью в мгновение. И что вся суть в агрессии, именно в том, чтобы начать бить первым.

И мгновенно мысль пришла: «Неужели она уже любит так, что просто думать боится? Боится того, что я умру раньше? Неужели уже так сильно?»

Медведь... это как будто угроза жизни... и меня пронзило: Боже мой, если теряют... если бы потерял... Ну как сказать... если ее нет, Наташи, нет ее, уже не стало!.. — ужас охватывает от этой одной мысли, лишь приди в голову что-то подобное, и уже страх, и тотчас подумал следом, какой ужас ее, видимо, охватывает от мыслей, что у нее может не стать любимого. Заранее представил это ее состояние и сам в ужас пришел: то есть она боится вдовства, заранее боится вдовства, изгоняет саму эту мысль, вероятность эту, вместе со всей любовью. В страхе, что я умру первым...

Неужели ж так сильно? Неужели ж настолько? За что? За что я заслужил такую любовь?

И если это так, то какие к черту ревности с моей стороны, какие страдания? Самое главное страдание от того, — и это в сравнение не идет с моими страданиям по поводу ее уходов от меня, по поводу крох, какими я пользуюсь, — самое главное страдание от того, что я не могу сделать для нее жизнь вечною, все равно мой век более короток. Если она полюбит... Она все вот спрашивает, чего, зачем я... с зубами этими ее ношусь, переживаю, что не лечит, к врачам определяю, с ногой этой ее сломанной вожусь, с печенью, больше, чем она сама, беспокоюсь, хлопочу, проверяю. А просто это я тоже хочу сделать ее жизнь вечной. Хочу сделать ее красоту вечной. Хочу, чтобы она была всегда, чтобы всегда ее жизнь продолжалась, чтобы красота была неизменна, была с ней постоянно.

Мы еще спорим, и какая она, моя любовь, и что она из себя представляет, и законна или незаконна, преступна или нет, и как сильна, и за что...

Но мы никогда не говорим о ее...

А ведь она-то любит сильнее. И первая. И именно она. Это именно она борется с ней, с любовью, а не я. Я вроде как бы покоряю, завоевываю, дожидаясь своего часа или что-то пытаюсь объяснить, жду, жду, заставляю, жду крох каких-то, распинаюсь в своей любви, страдаю из-за нее... Но о могучей ее, аталанки, огромнейшей, мощнейшей любви, которой она сама боится, и сдается, давно уже испытывает, — о ней ни слова...

А ведь у нее-то дар, у нее сила, и те слова, какие у нее вырвались «не влюбиться бы», — это, может статься, всего лишь самая верхняя часть айсберга, самая его видная верхняя часть, а там, внизу, глубоко, она давным-давно уже любит, не знаю, как и сказать: сильно, мощно, лавинообразно... как назвать эту огромную глыбу, которую она в состоянии сдвинуть с места и которую она может испытывать ко мне, сморчку. Конечно, что-то все-таки из себя представляющему, на каком-то духовном и ментальном уровне ей созвучному, для нее явившемуся открытием, но тем не менее все равно вряд ли достойному... И мне ли ее учить? Наставлять, воспитывать? Она уже и так вся в любви, да, конечно же, она уже вся в ней, она уже на нее запала, попала, да, она уже упала в любовь, точное слово, fell in love. Она любит.

И если она не будет сопротивляться ей и ее себе позволит, то это будет уже все, финиш. Это будет уже катастрофа!

И что значит этот сон? Досужее или это, как говорится, сон в руку? И все серьезно?..

Глава 2

1

Восьмого марта был с ней и с ее подругами в ресторане. В этот день происходило в районном городе соревнование по волейболу, я присутствовал на игре их поселковой команды во дворце спорта. И после игры всех ее подруг увез в армянский ресторан.

Все оторвы.

— Ну, ты даешь!..

— Даю, да не всем.

Три самые лучшие ее подруги. Все, как на подбор, красивые, по крайней мере очень хорошенькие, кроме одной полненькой и самой, как Наташа говорит, близкой и преданной подруги, Нади. Такие бестии. До этого я просил ее, чтобы она не рассказывала подругам о том, что у нас было. «Пусть это будет нашей маленькой тайной», — сказал я. Но по тому, как она отвела глаза, я понял, что, конечно же, она все подругам разболтала. Поэтому я готовился к тому, чтобы не повести себя бестактно.

Был парнишка, который Наташу любит и пишет ей стихи, посылая сообщениями. Он подъехал позже, когда ему позвонила подруга, именно Надя, и, когда он появился, я так и узнал в нем застенчивого в юности себя. Теперь он в близких отношениях с Надей. Как-то по-женски Наташа его к ней спланировала. А до этого много

раз показывала мне на телефоне его экспромты. Надя его подобрала. И он теперь, вздыхая, смотрит на Наташу издалека и спит с ее подругой, как это часто в жизни и происходит. Подобное обстоятельство меня опять повергло в раздумья о вечной несвоевременности возможностей, я даже испытал чувство превосходства и торжества на какое-то время оттого, что мне вот что-то обломилось, пусть я и в возрасте, пусть не их стаи, но обломилось, а ему нет, и не обломится, в то время как ему это гораздо важнее и насущнее, чем мне. И Бог знает, может, эти возможности в виде интеллекта, знаний и интересности он приобретет тоже к моему возрасту. И так же будет девочек наставлять и учить, но это будет уже потом. Что до меня, то я испытал на мгновение даже какой-то кураж, самодовольство такое, этакое мальчишество, какое на некоторое время несколько облегчило мне груз моих лет тем, что, несмотря на недостижимую уже мной его молодость, я, оказывается, тоже имею свои преимущества.

За столом он молчал все время.

Девчонки же веселились от души. Подтрунивали друг над другом, над молоденькими хорошенькими мальчиками-армянами, обслуживающими нас в качестве официантов. Галя, подруга, сидевшая рядом со мной, даже серьезно и демонстративно одного из них обрабатывала. Выговаривала ему, строго шпыняла, капризно пропесочивала, чтобы потом, когда он уйдет, на очередную прозрачную, задиристую реплику кого-нибудь из подруг, после которой все расхохочутся, спрятать лицо у меня за плечом. От стыда, по всей видимости.

Я смеялся с ними совершенно искренне и очень охотно. К этому времени Наташа меня научила уже смеяться про-настоящему. Или она передала мне это умение, им заразила. Даже терапевтический эффект смеха, о чем все всегда столько говорят, я прочувствовал. И осознал, что не смеялся как положено несколько десятков лет! Вспомнил былое, когда знал, что смеяться — это значит хорошо жить. Что засмейся, как в юности, — и все в жизни переменится к лучшему. Когда хохочешь так, что даже мышцы брюшного пресса сводит судорогой... С подачи Наташи я даже начал смотреть «Комеди-клуб», «Наша Раша», всякие «Даешь, молодежь!» и другие молодежные идиотические программы, которые

мне стали интересны. Стал очень податлив на улыбку. Стал даже в их пошлом находить смешное, в конце концов смирился с ним, с пошлым, стал пропускать именно самую пошлость мимо ушей, не заостряя на ней внимание, оставляя в чистоте только юмор.

Я порассуждал за столом о полной загадочности, что там ни говори, о полной непонятности для меня их поколения. Загадочности того, чем они, это новое поколение, живут и для чего. Загадочности для нас, для всех старших.

— Все у вас по-другому. Пугающе даже.

— Следующее за нами поколение — вот это жуть, — сказала одна из девушек, Катя, как будто уже знающая, что именно должно нас, взрослых, в них пугать.

— Это ты кого имеешь в виду как поколение за вами?

— Теперешних школьников...

(Это разница в три года! И уже поколение! В молодости своя мера измерения).

— Они теперь даже при директоре стоят курят... — добавила она.

Пока Наташа ходила в туалетную комнату, я попробовал обсудить с девочками вопрос, почему Наташа такая агрессивная, сказал, что это для меня тоже глубокая тайна, это даже более загадочно, чем все остальное.

— Она ведь красива, но почему дерется все время, мальчишество проявляет, отстаивает что-то там свое, воюет, а на каждое заигрывание ребят реагирует как будто вырвавшаяся из пожизненного заключения.

— Это во многом игра, — сказала Галя.

— А восторженные слова какой-нибудь шпаны типа «з-сь» — продолжил я, — воспринимает как комплименты, что ни в какие ворота уже, вот, если уж бить, так за такое, это же оскорбление... А жестокость ее иногда, при мне на машине птичку сбила. И удовольствие получила. Это ведь не женское. Теряюсь в догадках...

— Ее дразнили много в детстве, — опять попробовала объяснить Галя, опустив глаза, — В младших классах ей плохо приходилось. Может, поэтому ...

И по выражению их лиц я понял, что они на самом деле Наташу любят. Оправдывают, защищают и любят. Что они на самом деле

ее подруги и ей преданы. Правда, если Катя с Галей были подругами преданными искренние, то полноватая Надя любила Наташу со смешанным чувством любви и зависти.

А когда Наташа вернулась, я рассказал и о том, как в командировке, в поезде, на Наташу положил глаз торгующий шарфами золотозубый цыган.

— С ним была, видимо, его старуха жена, — продолжил я рассказ, — но он тотчас отослал ее с товаром и начал соблазнять Наташу всеми возможными способами, и Наташа не могла не отреагировать. Это уж естественно. Хотя и заявила сразу, что она девственница. Что его не остановило. Он лишь предложил жениться. И как не страшен был, ведь потащились с ним в тамбур курить и позволила ему даже для подтверждения того, что она девственница, ущипнуть себя за попку, что, мол, не обманывает. Это что, невинность на самом деле так определяется?

— Есть мнение, — сказала Галя, улыбаясь и тоже с каким-то загадочным выражением лица. — У девственниц она твердая. А потом мягкая делается.

— Вот ведь сколько прожил, а не знал. Это шутка, наверное, такая?

Наташа сидела прямо и молчала. Лишь улыбалась, слушая, как мы ее обсуждаем. Она была очень довольна, что представила меня своим подругам, и теперь, конечно, ждала от них обо мне мнение. Кончился период, когда мы были самостоятельны, и она, как в командировке, полностью была под моим влиянием. Теперь она вводила меня в свой круг. Сводила с подругами. Как вырвавшийся со своего необитаемого острова Маугли, начала постепенно обращать внимание на поведение других людей и на мнения окружающих. Потом они с Галей ушли в гардеробную, где Галя все-таки добилась своего, как рассказала потом Наташа, и завлекла туда молоденького армянчика-официанта, чтобы с ним поцеловаться. А потом они в туалете с Наташей обсуждали и армянчика, и меня.

— Они вам дали всего сорок пять лет, — сказала Наташа, когда мы уехали с ней в Москву, куда и собирались на праздник, — и Галя говорит, что вы классный. Но также сказала: что хочешь с ним делай, но замуж не выходи.

— Это почему?

— Не выходи, говорит, иначе я тебя презираю...

— Ах, она змеюжка, — сказал я и вспомнил ее, ласковую и улыбочивую, и то, как она сидела в глубоком кресле рядом со мной и как, чтобы не краснеть, доверчиво ныряла за спинку моего кресла при каждой насмешливой в ее адрес остроте.

Но тем не менее был благодарен ей за слова обо мне, о моем виде и возрасте.

2

После ресторана по дороге в Москву Наташа, ободренная мнением ее подруг по поводу меня, пустилась в воспоминания. Ей хотелось поговорить об этом. О нашем сближении в командировке.

— Я ничего не помню, у меня был полный угар боли и радости, — сказал я.

— Я ведь сама полезла к вам. Я сначала оттолкнула, а потом полезла.

— А что ты делала?

— Я вас целовала.

— А, этак анатомически... Да, это я помню, так это тогда было?

— Ну, у вас склероз.

— Все вытеснил. Настолько это было не по моему восприятию. Страшно даже. На самом деле. Правду говорю. Даже думать об этом не мог, выше моих сил и разума. Помнишь, как я говорил, уезжая от Иришки, что в глубине храню то, что ночью было, и что это у меня содержится внутри как островок, неприкосновенный кусочек счастья, до которого я просто не решаюсь дотрагиваться и о котором боюсь думать, оставляя все это на потом.

Который ты всегда омрачала взбрыкиваниями всякими, увлечениями своими, поцелуями с другими ребятами, помнишь, со склеенным тобою соседом Иришки Максимом? С которым ты на моих глазах крутила обруч, забравшись внутрь него с ним на пару. С которым целовалась в качестве поздравления его с днем рождения, тоже анатомически, естественно, лежа навзничь на тахте, пока второй парнишка в пьяном угаре с другой стороны тахты, расстегивая на тебе брюки, наглаживал твой живот. Это ты, наверное, опять какую-нибудь увиденную в кино сцену воплощала?

— В общем-то, не без этого, — смутилась она.

Но смутилась не от того, что она делала, а от того, что была уличена в неоригинальности.

— Все надо успеть?

— ...совсем не помните?

— Ничего не помню. Сплошной комок счастья, боли, ревности, отчаяния. Боли гораздо больше, чем счастья, пусть даже после этого очередного приключения ты и оставалась ночью именно со мной и мы такое с тобой вытворяли! Но этот кусочек счастья, бережно хранимый где-то глубоко внутри меня, все равно согревает и светится, и хотелось бы хоть вспомнить, от чего он?

— А помните, я ведь плакала. После первого того раза пошла курить, и вам запретила за мной идти, и плакала.

— Да, я помню.

— Да вы не видели, как я плакала. Я сидела в темноте вдали от вас на диване и курила.

— Я чувствовал, что ты хотела побыть одна. И не стал навязываться.

— Нет, вы сначала пошли за мной, но я запретила, сказала, что потом, что просто хочу одна покурить.

— Я согласился. Принял. Хотя обидно было, это опять был уход от меня в другой мир. От меня. А почему ты плакала?

— Не знаю, потому что, видимо, не думала, что это у меня так будет, я себе принцип установила: не старше 28 лет.

— Да ладно. Что ты обманываешь... Наверняка решила, какой кайф будет переспать с взрослым человеком.

— Да нет, не поэтому все, так уж не говорите... — завозражала она.

— Хотя и это тоже, — опять не без смущения вынуждена была признаться немного позже.

— И потом, ты же не умеешь плакать. У тебя ведь слезная железа не работает. Или ее вообще нет. Мы это обсуждали. Или все-таки в тот момент нашлась?

— Но я не обманываю.

— Отчего ж все-таки плакала?

— Даже не скажу. Ведь на самом деле не знаю сама, почему плакала. Плакалось, и все.

Тем не менее, хотя и получила положительное мнение подруг обо мне, поцеловать себя по дороге в Москву так и не позволила.

podruge

Стал курить. А ведь бросил лет тридцать назад. Коньяк все время. Боль и сладость, ревность, ревность всегда, сплошной мазохизм. А диск «Света и группа Амстердам» — как флаг, как знамя. Как падение в омут.

Я по ней скучаю уже через два часа. И томлюсь. Сесть перед камином, закурить, включить еще диск Светы и страдать.

Ничего не делаю три месяца. Только люблю, только думаю о ней. Только эмоции. Только растительная ПТУшная жизнь.

drugu

Я перестал чувствовать в молитве умиление. То чувство, какое я приобрел в свое время и которое культивировал и старался находить всюду: в помощи ближнему, в любовании природой, в молитве, в просьбе Его о помощи другим, в подаяниях, в самоограничении, отречении, в жертве — все я утратил. Это чувство было и так очень пугливое, в молитве, когда говоришь, допустим: «Да святится имя Твое, да будет воля Твоя!» — ты, если будешь искренен в своей покорности, в сформулированной сознанием в этот момент твоей полной ничтожности, вдруг уплываешь в умиление. Тебя тащит в умиление. Но даже тогда, когда я его испытывал, я молился, продолжал молиться, все равно ему полностью не отдаваясь, все равно помнил об ином, все равно мирское возвращало к себе, и молился, все равно себя несколько принуждая, как-то заставляя. Даже когда любовался природой, скажем, мирское все равно постоянно отвлекало, от полной отданности красоте и любованию отвлекает всегда какой-то котелок с варевом, необходимость подбросить в костер дров, необходимость подготовки ночлега или требование дальше идти, в общем, суета. Тем не менее входишь после этого соприкосновения с Божественным в мирское все же другим, входишь с возвышенным чувством покоя и счастья, удовлетворения, что жизнь правильна, что мир прекрасен, и что ты только что закончил самое важное дело на земле — связь с Божественным.

Но сейчас нет этого. И как тогда, несмотря на понимание, что ты совершаешь самое важное дело на земле, ты почему-то не оставляешь себя в этом деле, в этом состоянии навсегда, даже не оставляешь на подольше. Так и теперь, когда потерял способность уми-

ления, я не спешу использовать способы и средства вернуть его опять. Хотя знаю, как это сделать, знаю, что для этого делать нужно, знаю пути, и хотя знаю, что это путь и к пользе, и к правильности, и к удачам, и, главное, к истине, которую вечно ищешь, я оттягиваю возвращение. Оставляю на потом. Потому что обманчиво хочу найти это же умиление и в чувстве счастья.

А это ведь самообольщение. Самое главное и вечное заблуждение наше — это старание сделать из чувственности добро, из чувственной любви — благо. Наивное, идеалистическое это стремление свойственно нам во все времена. И это умиление ты и ищешь всю жизнь, ждешь, что и в мирских делах, в страсти, в мирской жизни ты добьешься наконец его же. Наполнишь счастье потолстовски стремлением к благу.

И ведь даже удовлетворение от половой любви, в конечном счете, все равно осознается полным, только когда экстаз совмещен с этим же Божеским умилением. Вот когда полный экстаз! Тогда благо. Так ты это предполагаешь.

Так вот, сейчас я не чувствую умиления. И пусть это из-за нее, из-за того, что я позволил себе опять любовь, и попался, и утерял это умиление, и даже это началось раньше, когда начал писать эротику, пытаюсь в затворничестве деревенской глуши словами переплавить эротику в умиление, чем, кстати, мистически притянул к себе факт появления у меня дома сексапильной девушки, как образца для подтверждения, для эксперимента, для испытания — все равно мы оба с ней на пути именно к этому умилению, в поисках любви, как все люди в поисках любви-умиления. Она-то просто еще не понимает, чего ищет, а ищем тем не менее мы, заблуждаясь, одно, но именно поэтому вдвоем так и близки друг другу.

Вот с ней и познать мир не через то, что всюду нам называют главным: вещи, удобства, воздушное счастье комфорта на берегу теплого моря, а познать в самой его сути, в ощущении чувства счастья, сопряженного с умилением. На что мы все запрограммированы с детства. На поиски этого высшего счастья. Какие там вещи, тряпки, честолюбивые свершения, честолюбивые планы?! Вот это — самое главное. Это познать. И мы тут с ней совпадаем, тут мы сродни. У нас, несмотря на ее ПТУшность, одинаковое направление.

Вот наш разговор...

— Было же все плохо, вас всех преследовали, вы лично не могли устроиться на работу по специальности, вас обвиняли в тунеядстве.

— Знаешь, много вранья. Вы, новое поколение, многого не знаете.

— Вы коммунист?

— Нет уж.

— Были?

— Бог миловал.

— Но такое складывается впечатление.

— Я сочувствующий.

— А что, можно быть этому сочувствующим?

— Получается, что можно.

— Но ведь тогда жуть была, тоталитаризм, деспотия, преследования инакомыслящих, репрессии, посмотришь телевизор, такие творились вещи, такие преступления! Разве это неправда?

— Почему, все правда.

— Так что тогда?

— Но мы тогда думали о духовном.

— О духовном?

— Да вот, представь себе. Только об этом и думали. Причем больше ни о чем, только об этом. Все.

— Что это значит, думать только о духовном?

— Думать обо всем, что существует еще, кроме денег, секса и растительной ПТУшной жизни.

— Это камешек в мой огород.

— Нет. Просто данность. Так было тогда.

— И что, это важнее свободы?

— Пожалуй, это вещь более важная, чем свобода.

— Поточнее, какая вещь?

— Думать о духовном.

— И это значит, пусть существуют тоталитаризм, насилия, преследования, репрессии?

— В какой-то мере, похоже, да.

— Никогда бы не поняла.

— Особенно убеждаешься в этом, когда посмотришь на теперешних вас, детей.

— Я так и думала, что вы этим кончите.

— Например, мы думали о том (самое важно — это о чем думать), решали вопрос о том, почему ты отказываешься от счастья, от ПТУшной жизни, от радостей, от растительности и начинаешь думать о равенстве, о справедливости, об истине, о Боге, только ли оттого, что тебе не повезло со страной, в которой ты родился, с внешностью или другими возможностями, которыми не обладаешь, что у тебя нет кубиков на животе от накачанного пресса или что ты не миллионер, или не обладаешь достаточной свободой в реализации каких-то своих желаний и планов? Или за этим отказом есть что-то большее, есть что-то еще? И в конечном счете находили, что есть. Да. Все равно там что-то есть. Что кроме растительной жизни, кроме счастья и свободы еще что-то есть. И это огромный мир! Хотя в то же время и были не уверены в этом и сомневались всегда и постоянно. Вдруг все-таки все по Марксу и Фрейдю? Вдруг все объяснимо и выводимо из наших же растительных желаний? Но даже думать о том, задумываться о том, что кроме растительной жизни может быть что-то еще, это уже и есть духовность. Другое дело, когда человек не сомневается, что кроме нее, растительной жизни, ничего не существует. Что есть только она, растительность, а остальное выдуманно, остальное в принципе не может быть, вероятность такого даже отсутствует. Вот это отсутствие духовности начисто.

— Но вот вы говорите о духовности, все расписываете, всегда мне об этом напоминаете, но вы же меня ловили на крючки,ставляли западни всякие, заставляли ревновать, чтобы я к вам бежала. И срабатывало ведь. Равнодушно разыгрывали, прикидывались. Говорили, что можете меня заменить писательством вашим. Я на это сильно реагировала. Это меня сильно цепляло. Хотели заставить меня в себя влюбиться.

— Ты у меня еще и умница. С тобой мне хорошо. Ей-богу! Это ты мне предъявляешь претензию, высказываешь упрек, понятно, заслуженно... Конечно, было, использовал и это. Но тем не менее, согласись, не только мои крючки на тебя действовали, я уж вынужденно их применял, когда видел, как ты от меня убегаешь и убегаешь, не так просто смириться с этим, но не только на этих крючках построены наши с тобой чувства друг к другу. Это ты со своим максимализмом, — это мне хорошо знакомо, я этим человеческим ка-

чеством всегда восторгался — отвергаешь одну сторону, чтобы как бы наказать себя правдой, так в молодости думающие люди делают, наказываешь себя тем, что ты все вокруг можешь материалистически и практически объяснить, а все эти детские представления об идеализме и непрактичности — это как бы просто ребяческие заблуждения. Именно все так корыстно и прозаично, и кроме материализма нет ничего. И поэтому перетягиваешь канат на себя. Одеало на себя. Но близость-то наша изначальная и без крючков все равно есть. Мало того, я не побоюсь даже этого слова, твоя любовь ко мне и без крючков есть. Она существует. Причина ее гораздо труднее объяснима в силу нашей разницы в возрасте, когда половое влечение ко мне у тебя не может основываться на телесном, оно и не основывается на телесном, и на крючках не основывается тоже, ведь крючки тоже вариация телесного, но ведь оно есть. Твое влечение ко мне есть! И если не упрощать, настаивая, что ничего кроме полового не существует, что ничего не может быть, трудно будет объяснить это испытываемое тобой ко мне чувство.

— А еще говорили, что меня вообще нет, а существует лишь героиня вашего романа.

— А что до этого, то и героиня твоего романа может с таким же успехом заставить тебя и страдать, и мучиться, и любить. Она тоже живет своей неподвластной тебе жизнью.

drugu

Тем не менее хорошо бы до конца решить, почему я отказался от счастья, от ПТУшной растительной жизни? Может быть, просто потому, что у меня на самом деле не было кубиков на животе или каких-то других данных?

okhotnik

Вот я говорю, что главное — тело. И я уступаю ее другому. Себе оставляю как бы только душу, малость вроде, нашу с ней платоническую духовную связь, и этим оправдываю себя, этот свой поступок как бы даже в подвиг записываю. В достижение. В факт борьбы со своим чувством собственности. В жертвенность. В акт благородства. В борьбу против закабаления человека, в борьбу против желания целиком обладать им — желание, какое всегда и несет с собой любовь.

А вот нашу духовную с ней общность себе прощаю. И ведь не хочу отказаться от нее, напротив, еще больше ее меж нами подчеркиваю и укрепляю. Называю это даже наставничеством и пользой для нее. Благообразным поступком. А разве это не закабаление? Не привязывание ее к себе? Почему бы вообще не вычеркнуть себя из ее жизни ради того же Сергея? И готов ли я к тому, чтобы все, что я ей даю, у нее было без меня? Духовность, красота и зубы, которые я ей помогаю сохранить здоровыми и красивыми, образование, о котором я так пекусь, готов ли я ей дать это и уйти и любить издалека, когда она будет с другим?

Это испытание... и я этого экзамена не выдерживаю...

drugu

Как она своего знакомого, Диму, целовала в машине, когда он к ней приезжал из Химок на встречу. До живота дошла, а потом говорит: а мне сегодня нельзя. Тот чуть не взбесился. Издевается над всеми. Это у нее такая привычка. Я не один такой.

4

Решили съездить к друзьям. Я к другу, а она к своим подругам. Решили расстаться на один день.

Сидел у друга дома в Москве, а она в это время пришла домой с улицы со встречи с девчонками, и я ей послал СМС про «ну притворитесь, этот взгляд все может выразить так чудно, ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад!»

Она ответила:

«не знаю почему, может это и звучит странно, но я тоже думаю о ВАС».

И следом вдогонку: «это все равно ничего не значит. Я поборю эти чувства».

Друг, глядя на меня с сочувствием:

— Увези ее куда-нибудь на Восток, у тебя там есть квартира, вот и живите.

Поиграли с ним и с его женой в преферанс, после которого остался, чтобы не ехать домой, у них на ночь. Постелили мне в гостиной. Жена его ушла спать, а мы долго еще сидели в полумраке, слушая музыку своей молодости, которую он ставил на плей-

ере, и говорили о происходящем в сегодняшнем мире, возмущаясь и сокрушаясь в очередной раз тем, что делается в стране. И, конечно же, кончилось тем, что заговорили о том, что я себе позволил это новое приключение, совершенно не вписывающееся в наши выводы.

— И зачем это тебе?

— Боша, я бы теперь рад похоронить, но не могу, процесс запущен. Помнишь, как у Гессе в «Степном волке» старый Гарри Галлер расправляется на пике страсти и ревности с посланной ему для опыта так называемым магическим театром молодой девушкой? Вот, я как в зеркальном отражении Степного волка, и моя задача удержаться, чтобы хотя бы не убить любимую, когда она останется с другим, станет не моя, совладать с собой, со страстью, с болью и с собственничеством. Мой опыт именно в этом.

— Зачем это тебе? Я вот уже забыл Гессе... Я кроме святоотеческих писаний, Ошо и Дхаммады ничего не читаю.

— А я готов был даже жениться...

— Ну, у тебя действительно бес в ребро. Когда себе позволишь подобное и запустишь — это же так тяжело потом себя останавливать.

— Осознаю. Понимаю, мне еще предстоит все это осуществлять на деле. Меня это еще все ждет. Я тебе отчет буду тогда присылать. Помнишь, как я тебе посылал отчет о выходе из своих голоданий?.. Представляю, сколько страданий будет. Но с другой стороны, может, это и есть «на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной»?.. Я понимаю, что, может, это все и кризис возраста, а может быть, и просто либидо и все такое, но ведь если я лишаюсь этой боли, то лишаюсь последнего!.. А вдруг это закат?

— Я вот поражаюсь тебе в другом: мы уже с тобой все это прошли и пришли к выводу, что суета. Зачем мы столько шли по этому пути? К покою, к нирване?

— Может быть, это тоже заблуждение было?

— Ты это пошутил?

— Извини, на самом деле шутка. Но тем не менее ведь что-то эта деторождающая сила, которая толкает нас на безумства, а женщинам дает способность рожать, из себя значит?

— Один мудрый человек говорил, как ты помнишь: «Смерть будет царить на Земле ровно до того момента, пока люди не опом-

нятся и не прекратят порождать пищу для смерти — новых людей». Или ты забыл? Ты же столько лет носился с последними годами Толстого. И Бог заповедал женщине в муках рожать за грехи, не для праздника и не в качестве героизма, это явилось ей наказанием, сопутствующим изгнанию людей из рая в грязь и тлен.

— И все равно любопытно.

— Ты упертый.

— Ведь космическая сила! Она обоснованна, ее не сбросишь со счетов. Этот деторождающий импульс! А тленные людишки, как ты называешь, изгнанные из рая и обреченные размножаться в расплату за грехи, с одной стороны, суетны и ничтожны, а с другой — они только и есть единственные, кто может оценить всю красоту мира, которую Бог создал. Только человек, глядя на небо, находит в нем красоту, которую, видимо, по родовой памяти, как воспоминание о рае он и ищет. Его тянет назад, к красоте, к совершенству, к Божественному... А когда он вернется обратно в рай, пройдя как бы цикл каких-то там отведенных ему жизней на земле, красоту он ощущать уже не будет, его не будет тянуть к совершенству, он по определению в совершенстве будет уже весь. Да он уже и не человек будет вовсе. Некому вообще тогда станет ценить деяния Господа. Исчезнет и само понятие красоты, да и сознание, если его понимать как свойство живой материи отражать действительность. Вопрос, надо ли это Ему? Может, причина изгнания человека из рая совсем и не нравственная, а состоит в том, что Богу надо было, чтобы кто-то издалека оценил, что Он из себя представляет. Может быть, человек для Бога это, какое ни на есть, но зеркало, в котором Бог старается полюбоваться собой?

Как я ни пытался изжить в себе это эстетическое отношение к окружающему, у меня не получилось, тут я человек испорченный, пишущий, и мне грустно представлять, что может уйти из мира эта суетная категория красоты. Помнишь, как дон Хенаро у Кастанеды, нарушая все законы гравитации, перед расставанием с землей скользит всем телом над участочком ее поверхности, расставив руки и лаская и обнимая ее, Землю, которую он любит. Как это понятно! Вот оно, языческое восхищение и безмерная любовь к жизни. Причем дон Хенаро не суетный человек, не совсем, так сказать, тленный, он видящий, полубог, всегда готовый к смерти и в то же время бессмертный, и к суете нашей жизни относящийся лишь как

к контролируемой глупости, а поди ж ты, ее любит! Любит Землю, любит жизнь на ней. А это значит — Божьи творения.

Мне иногда кажется, что когда задание Бога исчерпается, и закончится цепь воплощений, и, как мы привыкли предполагать, смерть перестанет царить на Земле и закончится на пару с жизнью, — Богу станет скучно, и он опять затеет какую-нибудь авантюру и через очередного змея-искусителя сунет пусть не яблоко, но какой-нибудь еще другой фрукт Еве в руку.

— Как бы там ни было, ты вон потерял умиление в молитве. Или ты это забыл?

— Боша, ты последователен и прав как всегда.

— Не прячься за Божьи творения, за себя отвечай.

— Тут ничего не возразишь, ты меня вразумил. Отчет того, как я буду выходить из помрачения, я тебе пришлю обязательно...

Тем не менее вдогонку он мне послал свойское, как в юности, поздравление с каким-то восточным праздником:

«Вертер хренов! Поздравляем с женой тебя с Великим камачакрой, пришедшимся нынче на наш с тобой общий год Крысы, которая первая из зверей пришла на зов Будды. Приди хотя бы последним. Не желаем тебе новых «земных» радостей и даже не желаем (ты будешь удивлён) новых творческих успехов! Вспомни любимого твоего Толстого (позднего). Всё тени и пыль... А желаем тебе наконец проникнуться тем, что живём мы не в России и творчестве, но живём в Великом Коме (Мироздании) и Боге. А как говаривал небезызвестный тебе И. Христос — там, где твоё сокровище, там и твоя душа. Ждём тебя к себе с радостью и всегда. В заключение посылаем тебе маленькую восточную байку.

Когда Китано Гэмпо, настоятель монастыря Эйхей, в 1933 году скончался, ему было 92 года. Всю свою жизнь старался он ни к чему не привязываться. В двадцать лет, странствуя нищим монахом, он однажды повстречал путника, курившего табак. Путник предложил Китано покурить, и тот согласился, так как был очень голоден. — Как же приятно курить, — заметил он. Путник подарил ему свою лишнюю трубку, табак, и они расстались. — Это удовольствие может помешать медитации, — почувствовал Китано. — Брошу-ка я сейчас, пока дело не зашло далеко. — И выбросил прочь курительные принадлежности. Когда ему было двадцать

три года, он изучал И Цзин и достиг в нём совершенства. — Если я так точно гадаю и предсказываю по И Цзин и так успешен, то могу забросить медитацию, — решил Китано. Поэтому он оставил чудесное учение о Вселенной и больше никогда не прибегал к его возможностям. Когда ему было двадцать восемь лет, он изучал китайскую поэзию и каллиграфию. Он так овладел этими искусствами, что заслужил высокую оценку всех своих учителей. Китано задумался. — Если я не брошу сейчас, то стану поэтом и никогда не достигну просветления. — Больше он никогда не писал стихов.

5

По приезде из Москвы к вечеру другого дня подобрал ее у дома подруги в районном центре и привез к себе. Купили по дороге торт. Сидим у меня дома, чай пьем, довольные, что дома, что встретились. А я после дня в разъездах, после долгой нудной дороги крайне голоден. Готовить самому лень, а Наташа давно не готовит, испытывает меня. Капризничает, что-то там проверяет, лодырничает уже много дней. Даже посуду принципиально не моет, хотя это как бы негласно входило в ее обязанности, и мне часто приходится мыть ее самому. Сидим за столом, я на хлеб, оставшийся с прошлого дня, намазываю торт вместе с кремом, делаю такой бутерброд и ем. Она — торт с чаем, а я с чаем бутерброд. Ну, голод-то не тетка, а что мне, мужчине, этот торт? И вот она смотрит на меня и на мой намазанный бутерброд с ужасом.

— Так моя мама делала в очень давние времена, — объясняю я.

— Давайте я что-нибудь сделаю вам... приготовлю. Хотя бы пельмени.

— Не надо, — говорю, — уже поздно.

А уже после одиннадцати, когда отвез ее домой, шлет мне СМС: «мне так стыдно, что я не приготовила. Вы хоть сыты?» — разбудила меня этим СМС и растрогала.

Отвечаю: «я тебя люблю».

Она:

«вы не ответили на мой вопрос. И я тоже».

Я несколько минут не знал, что и написать, у меня даже дыхание перехватило от волнения. От эротического волнения. Черт знает что нашло.

Пишу: «опять играешь с огнем».

«я не играю. А почему вы так решили, что я играю».

«потому что я не верю».

«опять. Спасибо».

«не мучь меня».

«все, отстаньте».

«я тебя люблю».

«а я нет».

И потом еще:

«я специально написала «я тоже», чтобы посмотреть на вашу реакцию».

6

На следующий день вечером расстались после разговоров о женитьбе.

— У меня есть еще нерешенные проблемы. Это Сергей. Я чувствую за него ответственность. В армии нелегко.

Кстати, когда восьмого марта возвращались из Москвы ночью и я потянулся поцеловаться, она затверженно отстранилась.

— Ты меня совсем не любишь? — сказал я.

Она опять свой любимый вопрос:

— Почему вы так спросили?

— Любишь, что ли, его?

— Сергея? Ненавижу. Послал сегодня поздравление: «ну короле с восьмым марта». Ненавижу!

— Какие сильные чувства. Он ненависти до любви один шаг. И наоборот. Сильные чувства всегда перетекают друг в друга.

А в конце поездки, когда уже оставалось километров двадцать, положила мне голову на плечо. И говорит:

— Вас я тоже ненавижу. Вы меня сегодня с утра даже не поздравили.

— Как же я тебя не поздравил? Весь день только этим и занимался...

Но ей эта выдумка нужна была, чтобы сказать, что и меня она тоже ненавидит. А значит, и любит...

И лежала на моем плече до самого дома...

podruge

Я сегодня счастлив. Весь день ездили с ее отцом по поводу сруба для деревянной пристройки в Тверскую область. Думал, конечно, о ней. Вечером приехал к нему домой «поесть супчику». Там была Наташина тетья с мужем и сыном и сама Ната. Домашняя, красивая, чудная. И явно соскучившаяся по мне. Когда уехал домой, «поев супчику», она позвонила, добрался ли я?

Я один в своем доме, в своей тихой деревне, где нет никого, и она думает обо мне. «Поеду к тете, буду опять всю ночь пить и звонить вам». Не ко мне едет, не скажешь же родителям, что едет вместо меня к тете, но то, что это обозначает «вместо меня» все равно счастье. Ведь какое счастье.

podruge

Мама ее говорит: «Выйди замуж за Сергея, потом разведешься... Понятно, он не пара, но не выйдешь, не попробуешь, не дойдешь до окончательного разрыва, потом жалеть будешь, что не вышла. Сомнения будут: а вдруг было бы хорошо?»

Она отвечает:

— Можно бы и гражданским браком для пробы пожить.

И у меня сразу радость. Если уж обсуждается вопрос гражданского брака и мама не впадает в ужас, то почему не со мной? Так и со мной: выйди за меня замуж, потом разведешься, понятно, не пара, но зато не будешь жалеть потом, что не вышла. А то вдруг будешь жалеть всю жизнь?

Все перебрал, и там и тут одинаково отрицательные вещи есть. Раз уж мама советует недолгий брак, для пробы, что тогда меня-то скидывать со счетов? Почему не попробовать и со мной недолгий и, так сказать, со стороны кажущийся неправильным брак?

Это освободит от обязанности жить вместе вечно, а когда я сделаюсь старым, совместную жизнь можно прекратить.

А Наташе сказал:

— Давай мы легче будем относиться к физической стороне наших отношений. Ведь не только физически мы друг с другом чувствуем себя комфортно. Нам хорошо и просто быть вдвоем, разве не так? Что же мы делаем проблему из тела? Да как будет, так и будет, давай пользоваться уже хотя бы той радостью, какую

наши отношения нам дают. Просто сейчас. И легче будем относиться ко всему остальному, без драматизма, не будем делать из физической стороны уж такую важную вещь. Хотя она вещь, конечно, очень важная, но отвергая ее, мы хотя бы что-то себе оставляем.

Странные какие-то советы у ее родителей, у мамы, например, по поводу брака. Это у них от гордыни, от того, что центр вселенной, самые себе любимые, идет. Всем хороша их семья, только нет в ней смирения.

Говорит, папа даже учил ее: никогда не говори Сергею, что ты его любишь, это станет твоим поражением.

Остается только добавить:

Вся жизнь — борьба...

8

Вчера сказала на все мои предложения — нет. (Предложения гражданского брака, форм супружеской жизни, женитьбы и так далее. Я перечислил много вариантов, при которых мы могли бы быть вместе. Это меня после высказанного ее мамой по поводу Сергея разнесло, как-то перестал бояться домостроя. Беспокоиться. Раз мама думает о гражданском браке, значит, и так не будет домостроя! Даже отец из гордыни позволит ей и без свадебных церемоний жить.)

— Раз ты взрослая, раз на гражданский брак замахиваешься, то поговорим с тобой как со взрослой женщиной. Была бы ты взрослая, старше лет на пять-десять, мне не надо было бы даже объяснять. С женщинами как-то проще, они понимают, у них уже есть опыт, и сексуальный тоже. Если они одиноки, то они уже многое прошли, перетерпели, были и разводы, и расхождения, они все в мире знают и понимают, что то влечение друг к другу, какое мы с тобой испытываем, близость наша — это находка! Это бывает очень редко. Это надо ценить. Потерять, упустить такое — преступление. Надо сделать все, чтобы оставить при себе. Им бы мне легко было сделать подобное предложение, и не потому, что разница в возрасте была бы меньше, а потому что они уж понимающие (вы же, девчушки, подставив несколько раз мальчикам, считаете что вы тоже взрослые, а вы такие же девочки, только уже без плевры),

они прошли огонь и воду, они, если такое встречаются, знают, что такое ищут всю жизнь! И из-за разницы в возрасте такое терять при-скорбно. Как-то бы попробовали, приспособились. Разницу в возрасте не выдвигали бы на первый план.

Потому что когда людей тянет друг к другу секс, и на нем устраиваются все остальные отношения, это одно, это чаще. А вот наоборот, когда тянутся друг другу помимо секса, а потом позволяют или устраивают себе телесную близость как дополнение, как то, чего нет смысла просто избегать, — это другое. Так все же бывает. И это великолепно. Столько тут может быть намешано удивительного. Пробы ревности, пробы жертвенности, опыты с чувством собственности, с воздержанием, с распушенностью, отвлеченное, высокое отношение к жизни ваших тел, как бы обособленных от вас, от ваших сознаний, и бросившихся в объятия под вашим же наблюдением. Этакая приносящая дополнительную сладость отстраненность. Избегание капкана чисто половых вещей. И поэтому с телесным мы разобрались бы. Выстрадавший интелтуальный образ отношений воплотили бы.

Но она была девочка и потому сказала:

— Нет. Ничего из этого.

— А подумать?

— Все равно нет.

Я объяснился еще раз, упрощая объяснение и стараясь соблазнить свободой:

— Сам я тебе изменять не буду, мне лично не нужна такая свобода, от тебя буду ждать, конечно, того же, но понимаю, что запретить тебе отношения с ровесниками я не смогу, ты все равно будешь поддерживать их, другое дело, до какой степени, это уже дело твое. Проверять не стану. Все это на тебе. Для меня слишком будет жутко углубляться в эту сферу. Главное, чтобы дети были мои. И достаточно.

И по реплике «зачем вам-то изменять, коли у вас буду я, что, с вашего возраста женщинами, что ли?» я понял, о чем она думает, опасаясь идти замуж за меня и даже не оценивая, не обращая внимания на мое смирение и самоуничижение ради предоставления ей полной свободы. Во-первых, все же: я любимая. Самая-самая, зачем кто-то нужен кому-то еще кроме нее? Тем более мне, в моем немолодом возрасте ухватившего в собственность моло-

денькую, думается ею, больше ничего и не требуется. Это лишний раз говорит о том, что все мои заслуги, уважение людей и даже статус состоятельного человека для нее значат очень мало. Вообще даже ничего не значат, она даже не вспоминает о них. А потом, она ждет все же капитана Грэя. Влюбленности в Грэя. Чтобы все там совпало, и возраст тоже. Испытать то, что только мерещится. И хотя ко мне у нее действительно любовь, привязанность, близость, она все равно, как и все, боится связать себя и не получить то сказочное, что только мерещится и там где-то пребывает, и нами всеми ожидается...

Не будет клипа, никогда не стоять под дождем, взявшись за руки, как в кино. Не идти с любимым навстречу солнцу, как в рекламе «баунти»...

До исключительно интеллектуальных и построенных на интеллектуальности отношений, с ней все же далеко.

drugu

Ну, разве я узнал бы сейчас где-то такие важнейшие мелочи о молодости, о жизни? Оказывается, она с другом, Ромой, с которым спала на Новый год за неимением места в одной постели, все-таки имела какое-то приключение. После того как они пили вино в постели и визжали, так что в темноте соседи подумали, что у них что-то происходит, он все-таки что-то там попытался. Но она его осмеяла, и у него не стало эрекции, так что он потом рассказал, видимо, из-за этого всем, как они с ней в разных позах... А теперь им неловко попадаться на глаза друг другу. Стесняются. Хотя, конечно, продолжают друг к другу хорошо относиться, это один из ее троих лучших друзей, она даже простила его фантазии и наговоры, все, что он напридумывал о них. Но помириться до конца все еще не могут, хотя мельком и виделись, но быстро расходятся...

Что в месячные у нее болят груди, что злая она перед этими днями, что перед ними полнеет, а после худеет снова. О, как прекрасен, Боша, этот суетный мир!

Например, она меня научила говорить слово «секс». Они сейчас произносят его с «э» обратным. Я не обращал внимания, наша норма была е, от слова сексуальный, у них же сексуальный производное от «сэкс» Это теперь литературная норма. Скажи «секс» тебя засмеют как неграмотного.

Сейчас пост, я с удовольствием пощусь и слушаю по радиостанции «Благо» песнопения. Она садится в машину и первым делом выключает. Ей плохо. Тошнота. Невесело. А ведь год назад, до смерти Машеньки, еще ходила в церковь, а в детстве пела в хоре.

okhotnik

Я удивляюсь, но она ведь хочет меня. Случайно, когда мы резвились, она задела меня рукой ниже пояса. Она еще с осуждением говорит об этих наших забавах: вы ведете себя как не взрослый человек, тискаете меня! Но сама же и заводится, включается в игру. Это нам единственная близость, единственное, что остается, это такое мальчишество. И вот она, проводя какой-то прием, коснулась меня ниже пояса и сразу обратила на это внимание, хотя я сам даже не заметил. «Извините», — сказала.

День прошел, она бросает спичечную коробочку, стараясь попасть мне туда. Сплошное профтехучилище. Наказать, так сказать. За свое внимание к объекту. Все по Фрейду. А то посмотрит на это место. И к концу дня сказала, что в понедельник у нас будет.

— Это ваш день, понедельник.

Назначила. Наврет, наверное. Добавила: «Если не постесняюсь».

— Я вчера хотела, — сказала, — но неловко стало.

Это, видимо, в машине, сама подняла кофту и показала грудь. И когда я поцеловал сосок, судорожно обняла на несколько секунд голову (опять на машине ездили целый день). Но потом, как всегда, оттолкнула и сказала «потом, потом», а потом сказала «все». И поцеловать в губы не позволила. Борется с собой. Детский бред.

А сегодня на что попала. На взрослость. Девственной стремно ведь быть. Неловко как-то. Все взрослой хочется стать. А тут я говорю, вон вся физиономия расцвела от гормонов.

— Да нет, это от месячных, — говорит, — я просто их потом давлю.

— Вот это совершенно лишнее, не порти лицо.

— Давлю, и они проходят.

— Что проходит?

— Пятна надавленные. Через год, — и смеется.

— Прыщик у тебя оттого, что тебе надо бы замуж, я заметил, после того как ты расскажешь мне, что целовалась с кем-то из пар-

ней, у тебя потом появляется какое-нибудь покраснение на подбородке. Что ты усердно начинаешь давить и превращаешь черт знает во что. Такая взаимосвязь.

Учил быть женщиной. Поднимать упавшее должен мужчина. Должна позволять за собой ухаживать. Принимать протянутую руку, когда выходит из машины, проходить в распахнутую перед ней дверь.

Мыть себя сначала снизу. Женщина должна мыть себя сначала снизу!

Всему пришлось учить...

— Это все от отсутствия половой жизни, — говорю я, — я тоже с тобой скоро буду как в подростковом возрасте, весь в детстве, тоже весь в этих. Избыток гормонов от постоянного возбуждения.

— Вы же говорили, что у вас год воздержания был, и ничего подобного не наблюдалось.

— Но у меня же не было такого сильного раздражителя.

И поэтому сказала, что в понедельник. И сразу добавила:

— А как я с Димой-то буду? Она тоже ждет. И я ему обещала. Сказала, что подумаю. **Не дай Бог я что-то решу...**

— Шлюху из себя разыгрываешь?

— А похоже ведь, да?

— Но тем не менее очень довольна собой?

Но сдается, это чувствуется. Я в пост спокойнее стал, отталкиваясь от противного, даже сама стала меня будоражить.

А до этого назначала мне четверг. Я ей даже специально сказал: ты назначь мне день. И она ляпнула: четверг следующей недели. А это оказался день месячных. Опять обманула.

Сегодня еще с утра пытался и взрослой фантазией ее зацепить... эксперимент своего рода.

— Ты ляжешь на животик на стол, я его вытру хорошо, вымою, грудью ляжешь, даже не грудью, только соски будут касаться стола. И ласкам доступно будет все, и грудь и попка, и животик, и...

— Так нельзя говорить, — перебила она меня.

Но видно было, что это ее увлекло.

— Плохо?

— Не знаю, но нельзя... И вообще все это должно быть внезапно, и инициатива должна быть у мужчины.

— Ага, с тобой будет внезапно, — сказал я, успокаиваясь уже. — Ты с ноги только дашь, и все.

Она лишь расхохоталась.

И ведь что правда, то правда, и мы оба это понимаем. Она даже подошла и обняла меня на секунду.

Почему-то я так думаю, что скоро она за мной будет бегать, а не я за ней. От нее...

drugu

Да нам непрерывно хорошо быть вместе. Уже просто быть вместе — наслаждение! За ночь наскучаемся друг по другу, утром рано она ко мне приедет и сидим весь день вместе, не расставаясь. Просто находимся вместе, и уже страшно хорошо. Так бы сидели вечно. Неужели это половое, и с удовлетворением пройдет? У меня, по крайней мере, неужели, как всегда, пройдет? У нее-то, по молодости, если еще и получит удовлетворение, наоборот, может и остаться, даже усилится. Забавная штука...

Но я же запрограммировал ее на это еще в декабре. Сам запрограммировал. Говорил голословно: ты любишь меня. Сейчас я не верю, что меня можно любить. Стар я для нее. Но она все больше любит. Укоряет меня за всякие мелочи, капризничает, как балованное дитя или женушка, и тут же сравнивает со своими родителями, говорит, что когда они с отцом, их воспринимают не за дочь и отца, а за мужа и жену, сегодня показывала свой день рождения в видеозаписи, где она маленькая. Это уже такая близость, что дальше некуда, она приходит ко мне со всей своей жизнью.

И опять сравнивает: «Вот с Сергеем гуляли, хорошо было, разошлись по домам, и не хочется мне больше с ним, не хочется вернуться, не скучаю, забыла через пять минут. Положила трубку и забыла».

Не осуждай меня слишком уж, Боша. Ты ведь к этой нашей общей цели идешь не в одиночестве, не будем лукавить. А идешь рука об руку с женой, с той, которую ты давно уже и не считаешь отдельным от себя человеком и, я думаю, даже отдельной от себя женщиной не ощущаешь, до такой степени, что забыл, что с тобой рядом есть женщина, что у тебя есть женщина, можно еще точнее сказать. Ты чувствуешь ее лишь своим продолжением, приложе-

нием, хрестоматийно одной плотью, чем-то сросшимся. Вы андрогини. Ты ведь это иногда только осознаешь и смотришь на это со стороны и с удивлением и восхищением даже, бывают случаи... Но это постоянно бросается в глаза посторонним людям, это каждому видно. А я благодаря своим заскокам и поведению в жизни этого как раз и лишен.

Не строжься уж слишком...

9

Начала возить меня к тете, которая замужем за человеком много ее старше, и я хохочу над шутками какой-то разбитной продавщицы, надо отдать должное, очень остроумной, весь в птушной жизни, и не находя в подобном обстоятельстве ничего предосудительного, не относясь к этому свысока, пытался даже острить в тон, вспоминая свой юмор тридцатилетней давности...

Все думает, сравнивает, изучает. Примеривается ко мне. Говорит о том, что есть люди, кто седину красит.

Критически меня уже ощупывает. Живот, лишний жирок и т.д. Хвастается тем, что похудела и в норму пришла, нет лишнего. Говорит про накачанного старика аж восьмидесяти лет в Вишневой, который каждый день бегаёт. Это намекает, что и мне бы покачаться. То есть имеет все же виды на меня. В голове-то крутится.

И в то же время говорит, что родители это никогда не одобряют.

— Ты разговаривала с ними? — удивился я.

— Нет, я просто чувствую. Для них это удар будет. Они вас за посланного им Богом воспринимают...

Рассуждали о том, как бы перевезти ее на Восток. Я там определю ее в институт и подальше от родителей. Которых мы боимся. Она там будет учиться, жить в моей квартире, я буду вести ее к выбранной цели, а сам буду жить то тут, то там. У нее будет полная возможность заводить в мое отсутствие шашни со студентами. Соблазняю ее этим.

А сегодня сказал: ты будешь на Востоке, а я буду здесь.

— А как же тогда мы будем жить супружеской жизнью?

Думаю, ни фи́га себе:

— Да ты же сказала, мы не будем?

И еще усугубляю... Пост отучил от желания... Специально так говорю, что-нибудь типа:

— Да и ты же не будешь сама! У нас идет ведь только игра, борьба. Нам ничего не светит...

Наденет каблуки, встанет рядом:

— Вот видите, насколько я выше!

— Ерунда! Видела наверняка, насколько режиссеры всех своих девочек-актрис всегда ниже? Всегда такие плюгавенькие, обращала внимание? Правда, потом эти девочки, которых они вводят в мир, от них сбегают, когда становятся взрослыми, публичными и востребованными.

— Это я тебе специально говорю, обращай внимание...

— У Сергея есть мое видео в ванной. Он где-то в компьютере заперил его, я, как ни искала, так и не смогла найти.

— Вы мне говорите: надо человеческие чувства. Человеческие чувства!.. Я их освобождаю — и сразу начинаю жалеть Сергея. А он мне противопоказан.

И вот наступил понедельник, когда она обещала. Но она сказала «нет».

— А на Востоке?

— Это было увлечение просто...

— Поехать с вами — я поеду. Но замуж не выйду. Гражданским браком жить не будем. Ребенка не рожу.

— А как же тогда?

— Пожалела...

Но потом смягчилась:

— Ладно, давайте дождемся, что там будет.

— Ладно, — охотно согласился я.

— Я переменчивая.

Но уже и то хорошо, что согласилась ехать. Учиться, жить, работать. Это уже много. Как-то там пребывает в мечтах и строит планы. Она-то, конечно, больше думает о своей свободе. А я — о том, что заставлю ее учиться...

Может быть, такая покладистая, потому что она на машине стала ездить. Я ее научил. Отец не мог, кричал, что она никуда

не годится, ничего никогда у нее не выйдет и выгонял из-за руля своего «жигуленка». А со мной на второй день стала ездить. Все любовь и терпение. Ну, может быть, еще коробка-автомат. И теперь просто с катушек слетает. Может быть, эта радость ее притянула ко мне настолько, что решилась? Не знаю. Но скучает по мне сейчас даже еще больше, я чувствую, пока мы каждый дома, она без конца звонит мне, даже чаще, чем я. Я-то с постом поуспокоился.

И соски у нее сейчас все время набухшие. Возбужденные. А еще на Востоке были плоские как мои, их долго надо было расцеловывать. Что же я делаю-то? Ведь не смогу я дать ей в полной мере всего того, к чему сам и веду. Ведь в конце концов, потом, когда она станет настоящей женщиной...

— Мы с тобой скоро будем в одинаковых весовых категориях, и я к сексу буду относиться так же, как и ты, только умозрительно, и уже не так часто будут обуревать желания. Ты, потому что еще не вошла в бальзаковский возраст, у такого типа женщин возникает устойчивая радость от половой жизни именно годам к тридцати, редко — после рождения ребенка, а я — потому что еще лет десять — это я по своему старшему брату сужу — и тоже начну выходить из «бальзаковского» возраста и возвращаться в твой.

Целоваться анатомическим поцелуем ее тоже Сергей научил. Вернее, это они выдумали.

— Ты как-то не увлекаешься, целуясь. Сначала было тебя поведет, а потом все. Или это только со мной?

— Нет, со всеми. Научилась себя глушить. С одним Сергеем я могла забываться, с ним я не чувствовала себя настороже.

— Но тем не менее улета с ним тоже не было?

— Нет.

— А ты хоть понимаешь, о чем мы говорим? Что должно получиться?

Она смущается.

И тут же рассказала, что ей приснился лесбийский сон, как она с одной своей подругой во сне занималась сексом. Призналась как-то утром. Об этой подруге, полной, здоровой, креп-

кой такой круглолицей бабенке, бабце, так сказать, — у меня о ней только отрицательное мнение, — она рассказывала часто. Как они при встрече радостно здороваются, как в «мультишках», стучаясь сначала ладонями, одной, другой рукой, а потом попками.

И я сразу ухватился:

— А с ней-то получилось? Во сне?

Она опять смутилась.

— Да не переживай, наша подсознательная жизнь — это еще совсем не то, что мы есть на самом деле. Когда мы днем и в здравом уме и в здоровой памяти. Не надо подсознательного пугаться, фрейдисты правы, это все в нас есть, просто не надо жить по фрейдистам. Надо знать, что в нас это существует, так много всего существует, наворочено — тьма, осознавать, что такое может прорываться и в сознательную жизнь, и контролировать, держать под контролем. Точно так же как агрессию, которую всегда тоже можно контролировать. Ты же воин. Но интересно все же другое: получилось что-нибудь в конце?

Опять отвечает уклончиво.

— Значит, получилось. Да не стесняйся, бывает такое. Самое главное, что получилось, это показатель того, что у тебя это может быть и значит, будет...

— Я слишком смешно выгляжу, когда объясняюсь тебе в любви?

— Да нет, почему... — и обняла и подставила для поцелуев грудь...

Разговаривает с каким-то очередным новым юношей по телефону, журчит. Смеется своим завлекающим смехом, говорит откровенности.

Я отворачиваюсь, потом ухожу куда-нибудь из дома, возвращаюсь, она спрашивает:

— Обиделись?

— Обидно, конечно. Думаешь всегда, что такое только для тебя, а это для всех...

— Да что вы! К вам-то я совсем по-другому отношусь. Вы всегда рядом. А они далеко.

Только я подумал, что это согласие ехать на Восток и вообще общаться со мной, разъезжать на машине, уезжать далеко куда-то, находиться подальше от дома — это просто стремление к обретению ею свободы от родительского надзора. Через меня. И курить, и целоваться с кем-то и ночью гулять безнадзорно. Свобода от мамы. А сейчас я начал опять подумывать, что это и из-за меня тоже. Что все больше любит меня.

От голоса ее возбуждаюсь, только ласково поговорить.

— Что это мне так говорят все время, даже Петя (это ее новый мальчик, тот заочник в Москве, от которого я как-то забирал Наташу в театр после его увольнения)... Тот тоже предлагал мне по телефону секс, я было начала, да застеснялась.

— Что мне все в любви объясняются? А я никого не люблю...

Быкуешь.

Лепила.

Шконки.

Фуфло.

Порожняк.

Вштыривать.

— Вот с Сергеем гуляем, хорошо было, разошлись по домам, и не хочется мне больше с ним, не хочется вернуться, не скучаю, забыла через пять минут.

Не обо мне ли думает в этот момент, когда говорит такое, думает о том, что стремится ко мне, что помнит обо мне, скучает. Боясь верить.

Вот она говорит: не могу любить, сердце не любит. Почему я думаю, что меня-то любит? Что за самообольщение?

Или:

— Решила: все с Сергеем. Расстаемся. Навсегда. Думала плакать. А слез нет. Не получается. Умом-то думаю, ведь печально должно быть. А поплакать не удалось. Да и вообще потом забыла.

И смеется.

Глава 3

1

И наконец, еще одно последнее испытание, еще одна, и, как оказалось, главная подруга. Та, полная, с которой они сталкиваются при приветствии попками.

Ну, что поделаешь, если она мне сразу не понравилась: крепкая, упитанная, без талии, самодовольная, этакая хабалка. Знающая, чего она от жизни хочет, вернее, даже и не рассуждающая, этакая толстомордая, кругломордая и толстож... молодая деревенская бабища. И даже не патриархально деревенская, а уже вне деревни, и не городская в то же время. Этаким тупиковый путь. Вырожденческий. Наглая и не сомневающаяся в себе, которой на все деревенское, да и на всех вокруг, наплевать, знает только, что ей надо удовлетворять желания, просто примитив, чего в Наташе совсем нет. И что Наташа в ней нашла? Мы оба сразу не понравились друг другу, может быть, ее несимпатию ко мне я задал сам тем, что не сделал ни одного движения к ней, не улыбнулся, не поухаживал, ни одного теплого слова не сказал, отнесся, как к пустому месту.

Видя, что к Наташе в магазин приехали на «жигуленке» друзья, я пригласил их к себе в дом, налил чая, ликера, но разговаривал больше не с ней, а больше ее парнем занимался. И подруга не снесла.

Она сначала поиронизировала насчет Наташиной работы у меня.

— А, так это ты тут работаешь? Понятно... — и все с весьма двусмысленной ухмылкой.

Прошлась и насчет захудалости магазинчика:

— А, это твой супермаркет!..

А главное, я не понравился сам. Тем, что не крутой. Без ожидаемой внешности и поведения какого-нибудь мультимиллионера... Вел себя застенчиво. Хамка, крестьянская девка без тормозов.

.Они заезжали к Наташе по дороге, так сказать, на рыбалку, и отклонялись довольно скоро.

У девочки моей сразу испортилось настроение. Но старалась не показывать. И я пожалел, что не сказал подруге хотя бы нескольких теплых слов. Не поинтересовался ее жизнью, не предполагал, что она такое влияние на Наташу имеет.

Наташа себя даже отвлекь попыталась, поправить настроение: «Поедемте кататься», — и, конечно же, сама за руль. Приехали на насыпь от бытовавшего тут когда-то парома, где принято было рыбачить дачниками и где ее подруга с мальчиком тоже забросили удочку. Но даже то, что Наташа приехала за рулем серьезной машины, не пошло ей на пользу. Подруга стала целоваться со своим мальчиком у всех на виду рядом с заброшенной удочкой, опершись на капот их старенького «жигуленка», и торжество Наташи стусевалось. Подруга опять победила ее. И девочка моя три дня не приходила ко мне, сказав, что заболела.

Жизнь как в клипе. Как в телевизоре, который она стала смотреть. Я установил ей его в магазинчике. Никуда от этого не денешься. Вот были бы клипы про то, как немолодые женятся на молодых, и совсем бы по-другому она стала воспринимать наши отношения. А так все плохо. Чувствую отчуждение...

2

Раскритиковала подруга Даша со своей крестьянской самоуверенностью все и вся, и отвернулась Наташа от меня. Опять бросилась в молодую жизнь. В свою среду, в свои поцелуи на людях, в их термоядерные поцелуи, который Сергей изобрел...

Я ночью проснулся, звонил ей и наткнулся на «занято». Полпервого в ночь с субботы на воскресенье, и минут сорок говорила, правда, в конце после разговора подумала обо мне, и мне стало хорошо.

Я всегда знаю, когда она обо мне думает, это как дождик, как теплый летний дождь...

С пятницы уже не виделась, и она, чувствовалось, и не имела желания. В воскресенье горло вроде болело, даже не разговаривала, только смс посылала, и то не отвечала толком, а позвонил — час разговаривала с кем-то.

Даша своим отвязным поведением напомнила ей про молодость, про Сергея. И сейчас, видимо, любит его опять. Продолжает любить. Или кого-то другого. Ее эмоция, направленная во вне, меня просто убивает. Лишает покоя.

Если бы я знал, что это такая важная подруга! Если бы я знал!..

Ночь. Не сплю. Проснулся в половине второго. И мысли, что в понедельник она уже не придет. Все.

Передумает, уйдет, бросит, плохо, плохо! Апатия, депрессия. Навоображал, что она с кем-то в машине. Какое-то приключение очередное... А главное, отмахнулась от меня. Подруги не одобряют...

Тяжело. А вот в два часа ночи вспомнила обо мне? Воды попил, и вдруг легко стало. От воды или оттого что вспомнила?.. Просто подъем, легкость!.. А не тупое отчаяние. Лишь грусть, и захотелось покурить. Себя пожалеть, погрустить.

3

Приехала наконец. И опять весь день провели вместе. Как будто ничего и не было. Ласкова опять и весела. Но тем не менее принесла мне песню Булановой. Сама скачала на компьютер.

Села, и мы слушаем...

Символично...

Не плачь, еще одна осталась ночь у нас с тобой,
Еще раз прошепчу тебе «ты мой»,
Еще один последний раз
Твои глаза
В мои посмотрят,
И слеза
Вдруг упадет на руку мне.
А завтра я одна останусь без тебя,
Но ты не плачь.

Не плачь, так получилось, что судьба
Нам не дала
С тобой быть вместе.
Где же раньше я была?
Как поздно встретила тебя,
но в этот миг
Я знаю, что теперь твоя,
и только крик
Сдержу я завтра, а сейчас
Побудь со мной в последний раз, в последний раз...

Весь день слушаем песню и молчим.
И грустим.

А я курю.
Один дома. Весь следующий день. Она ремонт делает, говорит, родители заставили обои клеить.
— Твоя Буланова меня просто доконала! Лучше бы это я обои клеил... У меня-то слезная железа хорошо работает...

Как не нужна мне была она добрая, так она мне и не нужна как подруга-литератор — от всего этого я уже устал. Никакой непосредственности, одно честолюбие, тщеславие и задние мысли. Мне нужна была она, та, какую она из себя представляет. А не та, какую я из нее делал...

Мне нужна она, птушница. Какая есть. Она знает, какая она. Дикое растение, дикое животное. Это так много.

drugu

Я еще больше уточнил, что меня тянет к ней. Еще точнее. И это явилось для меня даже открытием, неожиданностью. Когда я по-настоящему осознал то, что сейчас назову, я просто потерялся... Оказалось, меня влекла к ней и очаровывала до умопомрачения не невинность, а нечто иное, именно эта ее воинственная **птушность**, именно эта раскритикованная ее ортодоксальность в птушности, апологетика, яростная защита, с которой я так боролся и из которой так хотел ее вытащить. Она не могла сама объяснить, почему она так за нее держится, не могла возразить, словесно обставить свою позицию защиты, но как в озарении однажды я понял, что она цепляется в жизни как раз за то, сильнее даже надо бы выразиться: делает в жизни как раз именно то, что я всегда для себя только декларировал. Меня это убило. Вынеся из своего собственного детства полувековой давности эпохи проповедуемого равенства, простоты и главенства элементарных человеческих ценностей, элементарных человеческих отношений с малыми, доступными всем радостями и общими трудностями для всех, воспитанный и собственными родителями в духе искреннего дружелюбного отношения к окружающим, старавшийся придерживаться этого мировоззрения и в нынешнюю апокалипсическую эпоху расслоения, разделения и полного уничтожения одной только идеи равенства и, мало того, невольно своим бизнесом участвующий в этом уничтожении, я первый раз столкнулся с человеком, принадлежащим к поколению как раз этой апокалипсической эпохи, который под постоянным агрессивным давлением окружающей среды, заполненной оголтелой пропагандой продажности, циничности, предательства, черствости и обогащения; неравенства и вездесущего и неутомимого стремления к наслаждениям под вывеской новых заповедей: «себе любимой» или «я этого достойна!», «не устоять перед наслаждением!», — она гораздо последовательнее меня противится этому давлению. И, не умея выразить это словесно, не делая деклараций, осуществляет противоборство путем отказа заглядывать на эту роскошную завидную красивую жизнь, путем принуждения себя проходить мимо стереотипов голливудских киноактрис, не бросаться на поиски богатого мужа, или денег, или

способа попасть в высший свет девочек из ДОМ-2 с дочкой Собчака во главе (ну что сделаешь, если сейчас именно это называется высшим светом), не продавать за деньги свою внешность, как раз все то, о чем я только разглагольствовал всю жизнь, — продолжает находиться в сфере своих простых инстинктивных человеческих ценностей и стойко противостоит всему внешнему. А то обстоятельство, что у нее есть все данные для того, чтобы хотя бы постараться быть принятой в этом внешне красивом высшем мире, делает ее отказ от попыток туда проникнуть поступком едва ли не подвижническим. И потому-то она очень агрессивна и раздражительно реагирует на все мои попытки вытащить ее из ПТУшности. Не без основания подозревая, что там, куда я ее тащу, гораздо меньше мной декларируемой порядочности, а гораздо больше порочности, гадости и зла. И ведь она права. В моем интеллигентном мире зависти, подлости и злобы несколько не меньше, чем в ее. А что до подлости, то в силу изощренности мыслительного аппарата у некоторых интеллигентных экземпляров, каких мы с тобой, Боша, в своей среде не раз встречали, последних, пожалуй, неизмеримо больше.

4

milashke

Можно с уважением относиться к ПТУшности, как к народу, который живет по городам и весям на всей территории нашей древней страны и составляет ее население. И люди эти милы и интересны. И любимы нами, потому что это наши люди. Но жизнь все равно производит отбор, вынуждает, заставляет людей отбирать красивых — естествен этот дарвинский отбор, который так легко не оспоришь, — и уводить наверх. Это закономерно. Красивые уходят с комиссарами. Так было всегда.

Об этом даже писал Владимир Солоухин, советский певец деревни, сам бывший деревенский человек, ушедший в город. Он писал, что все красивые девушки, которых он оставил в деревне, после его возвращения туда через годы, делались уже блеклыми, им было замечено, что они, оставаясь в деревне, отцветали гораздо быстрее по сравнению с городскими. Городские или деревенские

с переездом в город становились, напротив, утонченнее. Городская культурная жизнь их делала более красивыми. Почему-то без контакта с городской культурой, с ее художественными ценностями, искусством деревенская красавица рано увядает.

Тебя не только мое желание увести наверх заставляет ступить на путь другой жизни, но и объективная закономерность, я просто орудие ее исполнения.

Я не могу заставлять тебя. Но подумай. Красота твоя без культуры долго не продержится...

— Как много книг хороших можно прочесть, — сказал я, слушая в машине по радио рассказ О' Генри и вспоминая, как упорно было самому его читать в молодости. И сподвигая ее на литературу, на учебу, сказал:

— Ведь целое море книг!

Она в ответ:

— Как много можно хороших фильмов посмотреть, хорошей музыки послушать...

И ведь получается, опять она права! Она права. Почему только тексты?

Нас в свое время поучали: читай, читай, только чтение дает культуру. И мы того же требуем от них. Только так ты найдешь истину. А ведь у них может быть другой язык... У них компьютер, интернет, кинематограф, телевидение. Это их новые знаковые системы, теперешний культурный язык. И что роптать на то, что он у них другой? Ведь от этого никуда не деться, язык ведь не переделаешь. Почему настаивать только на своем языке? Почему клянем их за то, что они не читают наших книг? Не входит ли человечество в новую фазу культурных средств? Они при этих средствах будут жить. И при этих средствах будут становиться людьми, совершать плохие и хорошие поступки. Постигать истину. Ведь и при этих средствах они могут ее найти. Ведь чтобы познать мир, познать истину, познать то, что наша жизнь ничего не стоит и что мы ничтожества, не обязательно читать книжки, умные книжки, можно дойти до этого и через фильмы, и через музыку, живопись и другой вид искусства, а можно и через науку и компьютерное программирование — это уж точно, только представь свой мозг

как еще не самый совершенный компьютер, — через борьбу с самим собой, а можно даже читая всего одну книгу, скажем, Евангелие, или Лао-Цзы, или поучения Гаутамы... Можно вообще не читая, а только наблюдая мир, бесстрастно созерцая и стремясь к сути. Только стремясь. И это стремление тебя к сути приведет, как даосы приходят к истине, лишь упорно разглядывая годами одну точку, для истины все эти языки, все эти новшества и средства не важны, все это наносное. А человек при любых средствах и при любых обстоятельствах остается человеком.

Что ж мы настаиваем только на своих средствах, только на своем эгоизме?..

И чего я со своим менторством?!

— Я уже забрал требование: читать! Ты права, какая разница, от какого вида искусства делаться мудрым. Но сделай для меня, я ведь все твое уже принял, даже сленг, прими и мое, читай все-таки больше!..

Послал ей СМСку: «Всего одна осталась ночь у нас с тобой» — не отреагировала. Денег нет на телефоне. Или это отговорка?

Вот нет ее дома у меня, и все из рук валится, сам не свой.

Сказал:

— В чем-то ты, может быть, умнее меня...

— Вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее...

Совершенно по-детски максималистски обиделась на то, что заявил: если ребята твои разговаривают с тобой по телефону, пусть кладут деньги на счет, платят за общение. А то, как ни позвонишь, все денег нет на счете, не платят денег — пусть молчат.

Она оскорбилась за ребят...

Пришлось сказать, что поторопился насчет ума, сглазил.

Вечером звоню

— Ты поумнела?

Она смеется.

— Я переменчивая.

Родители, я думаю, видят мое отношение к Наташе. Да и не видеть выражение влюбленного идиота мудрено. Но они, видимо, надеются на ее благоразумие. Или на мое.

— Он мне говорит, ты потолстела. Я сижу такая. Это меня просто мамин костюм полнит, говорю.

— Ты это про кого?

— Да с Женей встречалась. Тот, который в Москве турагентство открыл...

— Мама мне говорит: неужели ты и с Петей уже целовалась? У-у, бесстыжая... Я смеюсь...

— Целоваться я могу со всеми. Чтобы я да не поцеловалась! Тем более, что я ничего не чувствую. Вот и с вами, я уже и забыла, что у нас было...

— Дразнишь меня?..

И опять два дня не приходит ко мне. Что там у нее?..

Просто раньше выйдешь на улицу, где все те же прежние «назад пятьсот, вперед пятьсот», и никого нет в помине. «Как хорошо!», — думаешь. И дышится глубоко. А сейчас выйдешь и думаешь: «*один*». Как быстро, как бесповоротно я отвык от своих прежних радостей одиночества...

Проезжаем по дороге,

— Вот тут мы два года назад шли с Сергеем в три часа ночи со дня рождения из Коростылево. Страшно было, я за него уцепилась. Он меня еще пугал каждым кустом, мимо которого мы проходили.

А у меня от этого ее невинного воспоминания внутри все ревниво переворачивается...

И тут же наконец разрешила поцеловать ее. Вернее, поцеловаться ее французским поцелуем.

И потом начала допытываться, что я чувствую. Я начал о том, что жду ее эмоции, но она отсутствует. А с нее-то и начинается все, без нее это трава...

И в конце концов уговорил сказать, что чувствует она.

— Я чувствую возбуждение. И по придыханию других (видимо, это сбой дыхания), чувствую их возбуждение, но и по своему придыханию чувствую его же, но я его в себе сразу глушу.

— Почему?

— Чтобы не повело к чему-нибудь большему.

— Ну, а когда заведомо не может быть чего-то большего?

— Да как! Это всегда может быть, — стала разыгрывать из себя опытную, — хоть в машине, хоть в лесу, хоть на людях.

Я решил выказать безропотное со всем согласие...

Бойтся потери контроля над собой. И в постели также бойтся.

Бойтся страсти как обыкновенная хрестоматийная девственница.

Вчера, правда, они с Сергеем поругались, и я на расстоянии почувствовал, как мне хорошо стало. Сегодня при мне разговаривала в машине час с ним, помирились, и конечно, я в сумрачном настроении

5

Я знаю, почему ты не плачешь, морщишься, пытаешься вызвать слезы и не получается. Почему улететь в любви не можешь. Да потому что ты заставляешь себя плакать, ждешь, а ведь все, сама знаешь, получается только непосредственно! Забыться надо, и придет само собой. Ты воин. Ты себя держишь. Не расслабляешься. Поэтому все так у тебя.

Ты не можешь плакать, потому что ждешь, что ты заплакать должна. А ты не держись, не заставляй, отпусти себя, и у тебя все получится. И улетишь тотчас...

Это все от ума, от переизбытка разумности. Что, в общем-то, есть величайшая глупость, этот как бы ум.

Я хотел было тебя научить расслаблению, извлечению радости из плотских утех, и уже думал, как это тебе открыть, как подготавливать, и думал, что мне этого совсем уж и нетрудно было бы добиться. Но оказалось, что этому учить тебя будет уже другой...

Глава 4

1

И в итоге у нее появился новый мальчик. Петя. Заведенный по плану, как выведенный гомункул из реторты. Вычисленный и сконструированный по схеме, противоположной отцу. Сухой расчет, выбранный из списка, которого она со всех точек зрения взвешивала, которым она решила вытеснить Сергея, и который освободит ее от опеки отца и даст билет во взрослую жизнь.

— Ведь с вами я от Сергея не избавлюсь, а с Петькой можно...

Поставив освобождение от Сергея своей главной целью, она выбрала этого демобилизованного солдатика, очередной образец ПТУшника при ближайшем рассмотрении, хотя и читает много книг. Это, как выясняется, не одно и то же — читать книги и быть начитанным. Впрочем, она мне сразу сообщила о книгах, даже похвасталась. И он согласился со всеми ее требованиями. Не быть собственником. Никогда не ревновать. Не мешать ей общаться с друзьями, не шпионить, не устраивать сцены.

— Один раз, я сказала, заревнуешь — сразу конец. Я уже набралась с Сергеем. Если хоть раз, у нас сразу все закончится. Он мне подходит. Это, говорит, для него не проблема.

Я отвозил ее к нему на встречу.

Попросила подбросить ее на вокзал по пути в Москву, куда я собрался ехать Я подобрал ее у дома утром. Красилась она

уже в машине, отвернула зеркало на солнцезащитном щитке и попросила ехать не очень быстро.

— Вы уже нервничаете? — спросила, повернувшись ко мне и смеясь.

— Ох уж, не дергай!

— Значит, нервничаете.

— Зачем ты вообще к нему едешь?

— Да не переживайте. Вчера опять тетя Юля говорила о том, что мне надо было бы выйти за вас замуж.

— Ладно бы к Сергею, но зачем тебе новый-то ПТУшник сдался?

— А! Ничего вы не понимаете!..

Потом я высадила ее около вокзала, где они должны были встретиться. Я видел, как она позвонила, потом положила телефон в сумочку, заметив его в толпе, и как они сошлись, крепко обнялись и поцеловались и пошли куда-то в сторону центральной улицы.

А я поехал дальше в Москву, чтобы своего ребенка свозить на выставку. И орал благим матом в машине по дороге. Выл белугой!

Еле вытерпел выставку с сыном, потом приехал к другу и напился.

2

drugu

Боша, отчет. Пересмотр.

Родители одобрили ее выбор. Петя.

Страдаю уже который день. С новым мальчиком она решила строить серьезные отношения, они, так сказать, встречаются. И он приехал из Воронежа знакомиться с ее родителями, живет у них уже неделю, и скоро поедут знакомиться с его родителями.

Я не сплю ночами, перестал есть практически совсем.

— Когда он наконец уедет? — спрашиваю Наташу по телефону.

— Не знаю, — отвечает. — Ничего не говорит.

— Конечно, поцеловался, — говорю я, — приласкался, прижился, чего ему отсюда уезжать!..

Не понимаю, что я вообще чувствую, но отчаяние — все время. Она ушла. Ее душа обернулась к нему.

— Мы с Петей решили строить серьезные отношения, — говорит мне в телефонную трубку.

И довольна так тем, что сказала. Хотя должна бы понимать, что, повторяя, ранит меня невероятно. Впрочем, могла говорить это и для семьи, поскольку он у них живет, и она разговаривает, видимо, в присутствии либо его самого, либо ее родителей. Но я все равно попался. Говорю:

— Завтра привози его ко мне, я прочту ему лекцию.

— О том, что я стерва? — смеется она.

В командировке мне уже подобным образом приходилось отваживать от нее назойливых ухажеров, которым я объяснял все страшные стороны ее натуры, как пожирательницы сердец и манипуляторши, самостоятельно любить не умеющей и только как монстр высасывающей из молодых кровь и поклонение. Кое на кого это действовало. Но в основном вызывало лишь добавочный интерес и дополнительное влечение.

— Да, именно лекцию про то, какая ты стерва. А потом могу сделать еще и одолжение: увезти обратно на вокзал.

— Нет, мы с Петей обдумали все серьезно. И будем всегда вместе.

А это я позвонил, чтобы выяснить, от нее ли пришла мне СМС-открытка с первоапрельским розыгрышем. Весь день, в общем-то, мучился ревностью, поскольку она не звонила, а не приезжать ко мне для работы под предлогом приезда к ней Петра она у меня позволение заранее выпросила. К вечеру уже позвонил ей, когда стало совсем невмоготу, сказал, что мне плохо.

— Вы как собственник, как Сергей, тоже играете на жалости. У нас же нет никакой перспективы.

— Совсем никакой?

— Ну, а на что вы надеялись? На чудо? Но чудес ведь не бывает...

Странно, ведь опять она же должна понимать, что этим меня ранит... Просто бьет ниже пояса...

— Завтра второе число, не забудьте цветы купить, — говорит потом веселым тоном.

— Зачем?

— Но у вас же юбилей там какой-то? Это сколько получается вам?

— Откуда ты знаешь дату? Я эти свои дни рождения принципиально не отмечаю. И не замечаю.

— Все равно цветы будут кстати.

— Какие еще цветы!

— Можно бумажные...

— Ну, ты и стерва! — говорю я и не могу уже не засмеяться.

И этим как-то скрасила мое одиночество.

Неделю мальчик у нее живет, и неделю она ко мне не ездит. Кстати, недели всего хватило необщения со мной, чтобы она подрастеряла свою утонченную красоту.

— Ты не замечаешь, как снова становишься хабалкой?

Опять начала говорить о том, что парень должен быть защитником от бандитов. Не тот, кто убежать может. Нужен сильный, который защитит. А Петя выпускник, оказывается, физкультурного института или техникума... Спросил ее, что это такое за выражение «встречаешься»?

— Это и есть «серьезные отношения».

— А это что значит? В мое время просто говорили «любит». Или «обручился».

— Да, а скоро поеду к Пете знакомиться с его родителями.

Стала демонстрировать Пете, какое имеет на меня влияние. Постоянно просит, чтобы я свозил ее куда-то по ее делам. А получается, что это надо возить их обоих. Раньше я очень охотно ее возил и с удовольствием, то к тете, то еще к каким-нибудь родственникам. Но теперь-то приходится везти их к этим же родственникам вдвоем. Она так знакомит его со своей родней. Для меня это вообще испытание. А они еще и ведут себя неуважительно ко мне, разговаривают в моей машине друг с другом, как будто меня нет в принципе. Ну, откуда воспитание-то? Что с них возьмешь...

Наконец Петр уехал, и она появилась в магазине опять, сменив свою мать, которая за нее работала, пока у них был Петя.

И опять названивает Сергею, и Жене, и Диме...

— Я могу потренироваться и на вас...

— Не надо, я и так уже тобой охмурен.

Тем не менее со своими словами «правда, что ли?» все равно так мила! Говоришь ей, говоришь, что-то рассказываешь, и она вдруг с восхищением:

— Правда, что ли?..

Все готов отдать...

3

Не сплю ночами. Так только, один-другой час, и страдаю невыносимо.

Он уехал в Воронеж, и она с ним в мыслях.

Как бы там ни было, встретились с ней утром, едем в Москву на литературное собрание.

Говорю:

— Наташа, скажи: я тебя, Александр Борисович, немножко люблю. Это тебя ни к чему не обяжет.

— Я вас, Александр Борисович, немножко люблю.

— Вот, хорошо. И поцелуй.

Поцеловала.

— Гораздо лучше.

По крайней мере не изводила меня в дороге.

Ехали на литературный вечер. Я говорил по пути о том, что может быть, мне разлюбить ее, перевести в дружбу? Говорю:

— Может быть, мне уехать?

— Может быть, — говорит она.

— А может быть, выдать тебя замуж? Чтобы уж с корнем. За Петю, например.

— Интересное предложение...

podruge

Вчера у меня был праздничный день. Были на юбилейном вечере N. в Москве. Она выше меня, стояла со мной рядом, смотрела вокруг и изучала всех. Я сказал: изучай. И она изучала... Когда я отошел по делам, стала курить, как всегда, на улице рядом с молодыми людьми, но никто не сказал «заебись» восхищенно, никто не полез знакомиться, она, как всегда, поругалась по телефо-

ну с Сергеем, сказав ему, что она в Москве, на что он ответил, что ничего не хочет слышать, устроил ей сцену, и она со зла пошла общаться и знакомиться в зал уже сама. К виновнику торжества подошла, поздравила, ее сфотографировали, она поулыбалась, ей сказали, что она тут самая красивая, еще с кем-то поговорила и осталась, в общем-то, довольна. Хотя никто телефона у нее так и не попросил. Не стал навязываться, все корректно. После фуршета народ расковался, перестал быть напряженным. Это она отметила и совсем успокоилась. Сама она себя свободно чувствует. Хотя позавчера и суетилась, спрашивая меня, что прочесть. Я говорю, чтобы быть подготовленным, надо прочесть очень много, за день не успеешь все равно, одной книгой не отделаешься. Смузилась все равно, взяла Зюскинда «Парфюмер» и читала две ночи. Но в то же время говорил: не комплексуй, ты лучше всех, ты красива, а они козлы, бумагомараки, нечего тебе стесняться, у тебя свой достоинства. И она не стеснялась и держала себя уверенно.

По дороге домой опять поругалась по телефону с Сергеем, поплакала от обиды, что не ценят ее хорошего отношения, что сразу садятся на шею. Попсиховала, выпила «Ягуара», и мне, по остаточной любви, перепали ласка и поцелуй, и спала сегодня дома с моей мягкой игрушкой, «зайкой», что я ей подарил в поездке, купив на перроне в Ярославле, и поэтому я тоже спал у себя дома всю ночь беспробудно. До двенадцати часов дня. Выспался наконец, разбудили меня уже Наташа с братом, пришедшие работать в магазин.

Как мало, а я счастлив.

4

Звонит какой-то друг.

— А, ты хочешь поговорить о моей девственности?

— Мне очень приятно, что ты хочешь меня. Но помочь ничем не могу. Ну, возьми, наконец, мою фотографию...

— Вот мне СМСку послали, — хвастается она: «когда я думаю о тебе, на меня нападает столбняк».

— До чего коряво, и потом это тебя не напрягает?

— Да нет, вы не так поняли, он не то имел в виду, то у них называется «стояк».

— А что может называться столбняком?..

— Я тебе же объяснял, что теперь все станут тебя хотеть, откровенно. Хотя ты и до этого только одного рода чувства вызывала...

— Обрати внимание, у N. никто не взял у тебя номер телефона. Попросить сразу телефон — это невоспитанность. А вот с твоим новым Петей ты опять погружаешься на дно и теряешь даже красоту. Вот сейчас ты опять похорошела, находясь со мной, смотри в зеркало, примечай, наблюдай, цени свои достоинства. Ты пока не видишь себя. Я-то вижу, вижу, какая ты можешь быть, да и даже какая есть, и поэтому мне досадно, что ты размениваешься на такие пустяки.

Песню по радио услышала о том, как не дождалась из армии солдата девушка. Грустная песня, конечно, она ее проняла, и в конце она со злостью ее выключила.

— Что так долго-то!

Вот тютчевские слова: «О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней».

Ведь это еще надо сравнить любовь любящего и любимой. Разве девочки могут всю тонкость любви понять и прочувствовать, какую испытывает поэт?

drugu

После поездки на литературный вечер.

Что бы она ни обнажала в своем теле: плечи, шею, грудь (декольте), талию (в топике), живот, бедра, ягодицы (стринги), спину в вечернем платье — все у нее красиво!

Боша, что-то мне говорит, что вчера моя любовь пошла на убыль. Все были взлеты, приступы ревности, страдания, а вчера началась третья неделя поста, поэтому, что ли, но что-то меня достало.

Утром я жаловался ее матери на Наташу в ее же присутствии:

— Использует мою симпатию, шофером у нее работаю, сама бы хоть посуду в благодарность помыла, манипулирует, как всеми своими пацанами.

Мама понимает, что я говорю, так сказать, любя, и поэтому улыбается.

Кстати, что она, мать, думает сама о наших отношениях? Об этом ведь они что-то даже с отцом говорят, это загадка для меня. Но я использую шуточный тон, чтобы поделиться тревогой, связанной с Петей.

— Не слушается меня. Не одевается как надо, продолжает, как всегда, свою безвкусицу, вчера пошла к подругам и вырядилась вообще как чучело! На самом деле, — и обращаясь уже к Наташе:

— Если уж я вкладываю в тебя свое время и средства, то имею цель сделать из тебя даму. У тебя же одни мальчики на уме. С Петей этим опять твоим... у тебя есть уже по жизни один птушник. Зачем тебе еще? Зачем морочишь Петру голову?

Потом поехали в Москву, опять в театр.

Лишний раз убедился, какая легкомысленная, забыла, что обещала родителям купить в аптеке лекарство. И в раздражении от своей забывчивости, заявила:

— Свезите меня к Жене...

Это тот мальчик, что организовал турагентство. Когда она что-то задумывает — это все, из нее не вышибить, отцовская черта, насильственное навязывание своей воли. Взбрело в голову ехать к Жене. Втемяшится мысль, или придет воспоминание, вспомнится разговор с Петей, и все — она в нем, в воспоминании, она этим живет, об этом думает, как чеховская Душечка, честное слово, с полной искренностью. Через полчаса позвонит Женя — она думает и живет уже им, рассуждает, как могла бы у него работать, и так далее. И разговаривает с ним ласково: «дурочок...». А потом опять в голову что-то ударит, ехать туда-то! Или «Ягуара» выпить — все... Смерть, давай и точка.

Это уже и не ревность во мне, а просто усталость, она уже отрезанный ломоть, чужой человек. Хабалка. Слилась с Петей. Потом Сергей позвонил, хохотала над своим же рассказом, который она уже при мне в машине третьему по телефону рассказывала, как с нее утром спала на улице юбка. При выходе из дома, у подъезда. Едва поймала незастегнутую юбку у колен. Детвора во дворе расхохоталась. И ласкова с Сергеем была и весела, но Сергей ее ве-

селость не оценил, юмора по поводу юбки не понял. И она опять с ним поругалась. И в то же время собирается со мной на Восток...

Мама, позвонив ей, спустила на нее собак за забывчивость, за некупленное лекарство. Наташа издергалась. В театр уже и отказалась идти. Они еще раз по телефону с мамой поспиховали, я тоже распахивался. Я привез ее в театр, специально вез двести километров в Москву, а они решают какую-то бытовуху.

И первый раз задумался: зачем это мне?

Стала командовать:

— В театр не хочу, мама говорит, что у меня только развлечения, поехали к Жене...

А ведь уже подъехали к театру.

— Так нельзя, Наташа.

Но нет, вези ее к мальчику.

Поговорила с ним в его офисе, я подождал в машине на улице. Правда, вышла вовремя. Я предупредил, помни, я взрослый человек, только пятнадцать минут жду и уезжаю, мной нельзя так просто манипулировать.

drugu

Полностью зависит от ситуации, от момента, ничего нет в голове. Плещется что-то хорошее, но только на словах.

— Выйду за Сергея, у него детей не может быть. Я должна...

То есть как декабристка. Заявляет:

— Не смогу не выйти, мы же любим друг друга. Всегда любили...

На другой день передумает.

Полный ветер.

И зачем это мне? Книги не научил читать все равно. Только птушние желания, мальчики, целовальное распутство, пока боится позволить себе спать, потому что узнают. Будут говорить. А если в другом городе? Что остановит?

Лжива, врет всем и всегда.

Тем не менее, как начала повторять мои словечки типа «паразитик», «оклахома», «птушник», так и продолжает употреблять

до сих пор. И даже переняла мою привычку очки, когда их снимаешь, всовывать дужкой в разрез кофточки на груди. Все повторяет. И приобрела способность говорить длинными периодами, строить сложные предложения в отличие от обрывистой троглодитской, на уровне междометий и звукоподражательности речи ПТУшников. ...

— Подождите, — скажет, сама иронизируя над собой, — сейчас соберусь с мыслями. Чтобы слов хватило...

И завернет такую фразу, что повергнет меня просто в восхищение. И в дополнение к хорошей изначальной интонированности ее голоса лишний раз порадует своими способностями.

И ведь на самом деле становится более красивой со мной.

Любить — это когда судьба другого человека это твоя судьба, удачи и неудачи — твои, тело его твое, и ты о нем заботишься даже больше, чем о своем собственном.

Сказал ей в шутку, объясняя то, что она ничего не чувствует в постели:

— Вот потому тебе и легко отказаться от близких контактов.

А она в ответ рассказала о том, как лишилась девственности. С Сергеем они играли вдвоем в карты на раздевание у него дома. И как-то так само неожиданно случилось. Он потом звонит на другой день, говорит: ведь у нас было!..

— А я не верю, не говори ерунду, отвечаю. Правда ведь, ничего не запомнила...

5

И запрограммирована слушаться родителей. При всей свободе, впадении в распутство, как в омут, с головой, слушается беспрекословно.

Поэтому в глазах родителей я для нее как положительный пример, как опекающий их ребенка, увлекшийся их дитятей очень взрослый, оказывающий на нее хорошее воздействие, человек — прекрасное прикрытие для нее в ее распутной и сво-

бодной жизни. Она очень хорошо это все прочувствовала. Ведь со мной они отпустят ее куда угодно. За меня всегда можно спрятаться.

Сама же бороться за свою свободу она не может. На родителей у нее страх. Просто ужас. Она никогда не противится, полная покорность. Я даже не знаю, как это возникло. Может, тогда, когда отец в бешенстве — как рассказывала Наташа о жуткой и никогда не выветривающейся из ее памяти, произошедшей в период ее ранней юности сцене, когда отец кричал матери, держа топор в руках: «ложи голову на бревно, ложи, убью» — и мать покорно прижимала голову к полену... может, этот образ, врубленный в подсознание, торчащий как кинжал, являлся ключом ко всему ее поведению, ко всей ее безоговорочной родителям покорности, а может быть, он заключался в другом — в том, что она тут же, в этот же момент постоянно вспоминала, как при их очень бедственной жизни по приезду в Россию в деревне под Брянском отец всегда, несмотря на то, что у них даже не было иногда денег на хлеб, приносил ей каждый день после работы батончик «Марс». А вечером, когда считал, что она уже спит, входил в ее комнату и целовал спящую в лоб. Целовать ее в бодрствующем состоянии он, как строгий воспитатель, себе не разрешал, считал это непозволительным. Она же лежала и притворялась, что спит... А может быть, это таилось в том, что она в мобильных телефонах своих родителей то и дело заменяла их имена на слова «любимый» и «любимая», от чего родители потом долгое время не могли найти в телефонных справочниках друг друга. Как бы там ни было, на революцию в семье она никогда не отваживалась. Даже когда она изобличала отца, его жестокость, когда вставала на защиту мамы, даже когда ненавидела его, сказать против она все равно была не в состоянии. Послушание в ней было невероятное. Слова родителей, не только отца, но и матери — это как кодовые слова для зомби. Они не обсуждались ею, в ней выключалось сразу ее собственное мнение, стоило им сказать хоть слово — сразу выполнение условного рефлекса.

Сейчас сказала мне по телефону:

— Я же вам говорю, я только работать на Восток с вами еду... никаких отношений строить я не буду.

Поэтому-то, я думаю, вопрос выхода за меня замуж ею не рассматривается главным образом из-за того, что родители это не одобряют. Она это окольным путем уже выведала.

И нельзя сказать, что мне сейчас, в моем постном состоянии, уж так страшно больно.

Вчера как-то вдруг осознал, что устал от нее. Очень устал. С облегчением домой приехал.

milashke

Когда ты называешь меня «старик»: «Вы старик»... Или бойко и ласково чешешь при мне с мальчиками по телефону, это наталкивает меня на мысль, что ты просто делаешь мне больно сознательно, перед поездкой на Восток, назло, зная, что ты будешь моею. В город, скажем, приедем и все. Ты сдашься, поэтому напоследок меня и задираешь. Иначе бы человек более деликатно относился к тому, от кого он во многом зависит, к своему покровителю, так сказать. Иначе просто в голове не укладывается. Иначе зачем быть такой жестокой? Садизм? Неуважение? Что же все это?

Но странно, я покоен, страданий нет.

А как я хотел сделать в пустующей части здания магазина клуб друзей Наташи. Клуб твоих друзей, Зайка! И чтобы как-нибудь собрать всех из твоего списка телефонного справочника до единого, и сказать всем твоим мальчикам-друзьям, как мы все ее, эту стерву, эту оторву, любим!

А сейчас на ее заявление, что только работать на Востоке едет, нет отчаяния, только злость, которая толкает меня не к ней, а наоборот, чтобы забиться куда-нибудь в нору и все. И стучать, например, по клавишам пианино страшное форте.

Забиться, забиться и не видеть никого. Забиться подальше, и чтобы не было ни предприятия, ни работы, ни мыслей, ни с кем не разговаривать, ничего. Ни Наты, ни родителей, ни магазина.

Но зачем поправляет мне прическу, когда у меня вдруг волосы ветром растреплет?..

А до этого на мое страдальческое выражение лица при словах, что на Востоке будет только ее работа и ничего больше, сказала:

— Ну ладно, давайте там увидим.

— Где там?

— Ну, когда приедем туда...

И я уже рад этой подачке.

— Я один раз хотела примерить свадебное платье. Мама не разрешила. Это как-то нельзя, примета плохая. А я так хотела. Но я бы потом не сняла ведь. Я так бы в нем и ходила, если бы мне подошло.

6

Буланову уже не включаю. Расслабляюще действует.

Сказал ей об этом по телефону. Она смеется:

— Я потом вам сертификат выдам. Когда закончите учебу у меня. Средне-специальное... На высшее, не знаю, потянете ли, тут не ваши интеллигентские способности требуются. И потом, вам надо еще преодолеть одиночество. Это, конечно, трудно.

— У каждого свой способ, смотря по обстоятельствам.

— Все-таки вам тяжелее, я всегда могу, когда мне плохо, пойти к подругам, но вы одиноки.

— Как тебе сказать... Одиночество для меня как раз не самое страшное. Мне в одиночестве не совсем одиноко, у меня ведь всюду нелюбимая тобой литература. Это уже не одиночество. Но у меня другая трудность, мне нужно канал пресечь.

— Какой канал?

— Который нас связывает и через который я тебя чувствую. Все твои движения чувствую. Когда ты с кем-то целуешься, чувствую, когда ты думаешь обо мне — тоже. Все чувствую и страдаю...

— Да, я это помню... — и сразу вспомнила:

— Вы говорите, что писать начали про меня?

— Так я и не начинал, я только продолжаю. Ты ведь девушка из моего романа.

— И что вы еще про меня написали?

— Ну, написал, какая ты противная и стервозная. Как пьешь кровь из людей, ничего не давая взамен.

— Да-да, вы там посильнее меня.

— Выполню пожелание...

И после этого каждый день стала спрашивать, смеясь:

— Ну как, написали еще что-то про противную девчонку?

— Кое-что, — уходил я от ответа.

drugu

«Слепой Амур, что сделал ты со мной,

не вижу я того, что вижу ясно.

Я разбираюсь в красоте людской,

и восхищаюсь тем, что не прекрасно...»

Боша, это Шекспир, если ты забыл. В переводе Румера.

7

Сказал матери ее: вот та девушка, которую я носил на руках, которую учил, воспитывал, она сопротивлялась, а потом приняла поучения, усваивала то, что я говорю, и выдавала как свое. Какое это было наслаждение! Но теперь у нее другой учитель...

И мать укорила ее, как передала мне потом Наташа, тем, что она ведет себя со мной резко. И даже отправила ее перед Наташиным отъездом к Петру ко мне на встречу опять. Чутко считая, что Наташа должна это сделать.

Петр приехал через две недели уже свататься, собираясь увезти ее знакомиться со своими родителями, и Наташе стало уже не до меня и не до магазина, в котором опять стала работать ее мама, и не до деликатности, поскольку не приходило ко мне на работу она на этот раз даже и не отпрашивалась, полностью посвятив свое время Петру. Оставалась только электронная почта...

milashke

Мужчин у тебя в жизни будет много. Как мама ни опасается этого и ни старается тебя от этого уберечь, все равно этого тебе не миновать. Это будет. И ты уже начинаешь шагать своими ногами. Но хочется все же в напутствие сказать: никогда не возвели-

чивай очередного влюбленного в тебя мужчину за счет прежнего. Немногие, вроде меня, постараются отнестись к его образу объективно, согласись, что Сергея твоего я понапрасну никогда не осуждал, а во многом воспринимал ваши с ним отношения очень тактично и даже с восхищением и завистью. Скорее всего очередной мужчина в душе лишь позлорадствует по поводу предшествующего, а это судьбинно и провиденчески плохо для тебя. Провидение этого не прощает. Согласись, в моем возрасте досадно быть смешным в глазах пацана. А смешным я оказываюсь очень просто уже из-за своего возраста. Я тебе об этом говорил не однажды. Не делай специально людям зла. И даже походя. Зачем выказывать демонстративное неуважение? Зачем уж так давать мальчику легко самоутвердиться? Но, впрочем, я не роппу, ты еще не разумна вполне. И я тебя все равно люблю.

По приезде Петра к ней второй раз она стала болеть. Поездка к его родителям была несколько отложена. Она и в первый раз, когда был Петя, мучилась какой-то астенией, но я тогда не обратил внимания. Но на этот раз насторожился.

— Ты отметь это, — сказал я ей по телефону, — что-то тут не так. Я ни на чем не настаиваю, ты ведь можешь воспринять это как наговоры, но сопоставь и прочувствуй. Проанализируй, тебе-то это проще выяснить, с чем связываются особенно явные приступы. Может быть, у вас не совпадает энергетика?.. А может быть, это наш с тобой канал, который ты сейчас пытаешься перерубить. Ведь по этому каналу не только мне приходили от тебя страдания, но ведь и ты всегда меня чувствовала. Мы с тобой заболели одинаковыми болезнями, например, оба мучились головной болью, оба умирали с похмелья. Оба одинаково худели, оба зависели от настроений другого, даже когда находились в разных местах. Помнишь? Может быть, это просто канал противится твоим решениям?..

Но она вслед за всеми в их семье решила уверить себя в том, что это порча. По своей привязанности к предрассудкам они все начали искать в этом сглаз, проклятие и решили, что это на нее мать покинутого ею Сергея что-то насылает, серьезно подозревали ее в дурном глазе. Рассказывали, что мать Сергея распуска-

ла также слухи и о нас с ней, что у меня Наташа неспроста работает, что у нас с ней тоже отношения и что, мало того, тут замешаны деньги. Кстати, наши отношения с Наташей почему-то мать Сергея на самом деле беспокоили больше, чем даже сватовство и «серьезные отношения» Наташи с Петром. Ею я почему-то считался более опасным. Может быть, из-за того, что для некоторых людей денежный вопрос является всегда решающим.

Но тем не менее это была не «порча». И шло это не от матери Сергея. И напрасно Наташа с ее мамой по-женски занимались перебиванием костей. Скорее, это все же касалось именно нас. Скорее всего ее вольная или невольная жестокость по отношению ко мне, отразившись от моего смирения, возвращалась к ней обратно и обжигала болью. А оттого, что она делала нашим отношениям плохо, не ведая что творит, ее просто оставляли последние силы.

5

И сходя с ума от ревности и обиды, что я не заслуживаю от нее даже элементарного сострадания, я рассказал о своей любви ее отцу.

Она приехала сдавать товар в магазине матери и, заскочив ко мне домой, пожаловалась, что у нее опять упадок сил, что ей тяжело последнее время, что даже сердце начало побаливать, а по ночам она ни с того ни с сего плачет.

— Петр сегодня мне рассказал, что я ночью во сне так плакала, что он даже пришел ко мне в комнату из гостиной и вытер с лица слезы.

И в приступе ревности и досады, что утешает и слезы ей вытирает именно ее слез и ее боли виновник, я не выдержал и признался во всем отцу.

Мы сидели в зале моего дома, обсуждая детали строительства, и я сказал:

— Геннадий, я должен тебе сказать одну вещь. Я очень люблю твою дочь.

Я сидел у камина и курил, выпуская дым в хайло. Геннадий за столом. Я находился просто не в себе. Сам не свой.

— Отчески? — улыбнулся Геннадий.

— Отчески? Не знаю. Всячески. Я за это время стал курить, пить, не сплю, я чувствую ее всюду, чувствую, что она делает, везде.

— Борисыч, ты что говоришь?

— Ревность ужасная. Не сплю вообще. Уйдет девочка, я не выдержу. Ею наполнен каждый уголок этого дома. Каждая вещь, каждая деталь напоминает о ней. Не знаю, что и делать. Придется, наверное, уехать. Стройку доводить до конца ты будешь уже без меня.

— Ну, Борисыч, ты меня удивил.

— Весь измучился.

— Тебе сколько лет, Борисыч?

— При чем тут возраст? Я знаю, что у меня нет никаких перспектив. Но любовь зла. Она для любого возраста.

— Но ты возьми в соображение. Она же тебе почти во внучки годится.

— А я у тебя, что ли, руки ее прошу? Я что, не понимаю, что все бесполезно и безысходно?

— Ты меня поразил.

— Я тебе, конечно, безмерно благодарен за то, что ты ее привел и посадил вот тут за стол, — я расчувствовался вконец, говорил и чувствовал, что у меня голова просто идет кругом. — Вот на этот стул. Слева от тебя, как ты сейчас сидишь... Но в то же время, *зачем* ты ее привел?! Я четыре месяца уже ничего не делаю, работа не идет, занимаюсь только ею. Трачу на нее все время. Жду, когда она придет, и больше ничего. Скучаю по ней. Да ты видел, как я примчался к вам на машине после ее болезни, чтобы ее забрать. Я думаю, что и так по моему выражению все понятно. Она удивительный человек. Одаренностей в ней... внутренняя культура... Такая одна на миллион.

— На три миллиона.

Я запнулся. Это единственное, что его отвлекло от мыслей о несоответствии возраста.

— Пусть на три миллиона.

— Она знает? — спросил он.

— Да, конечно! — и соврал, чтобы ее не подводить. — У меня же все на лице написано. Не может не знать. Поэтому она из меня веревки и вьет...

Мы вышли с ним на улицу в сад. Прошел по лужайке. По мягкой еще после растаявшего и сошедшего снега земле. Я посмотрел вокруг, вдохнул полной грудью и понял, что сделал невероятную глупость, что идиот!

Решил слегка подправить:

— Выброс эмоций просто, свечка ревности. Извини. Не прягай семейство. Не говори Лене. Я приучил себя к ее Сергею. А тут так внезапно еще другой. Я все это переживу в себе, но я подумал, что обязан тебе это сказать. По-мужски...

И на этом закончил, решив преобразить это еще и в достоинство, в мужское дело. Но тем не менее догадался почему-то, что все испортил уже непоправимо, он не оценил и мужского достоинства в моем признании не увидел.

Когда мы расстались, он ушел к своим в магазин, а через минуту оттуда появилась с совершенно бледным лицом Наташа.

— Что вы ему сказали? — спросила она.

Видимо, по выражению лица, с каким он вошел к ним, она тоже поняла, что случилось что-то ужасное. И уже догадалась что именно.

— Да так, ничего особенного, в общем-то.

— Нет, что именно вы ему сказали? — повторила она и прижала ладонь к груди. — Как сердце болит...

— Сказал, что я тебя люблю,

— Вот же блин! — вырвалось у нее. — Ну зачем, зачем?

— А он что, проговорился?

— Не знаю, они там сейчас с мамой остались, а у него такое лицо! Зачем это вы?

— Не знаю, нашло какое-то умопомрачение...

Наташа, продолжая прижимать руку к груди, села на стул около входной двери.

— Как болит! Никогда его не чувствовала, а тут целую неделю что-то колет, но чтоб так, как сегодня... просто будто ножом пронзает, а распрямисься — будто его вынимают.

— Ты же знаешь, отчего эта боль...

— Ах, оставьте... Зачем вы все испортили?

— Я ни о чем не думал.

— Все теперь пропало. Тот цветник, что я взращивала, тот сад, который я садила и устраивала, вы уничтожили одним махом. Вырвали все, что я так усердно оберегала.

— Ты стала говорить образами.

— Меня теперь с вами не отпустят, я буду работать в другом месте, с вами мы будем видеться очень редко.

— Что же делать?

Она прижала руку к груди сильнее.

— Это невралгия, — сказал я. — На нервной почве.

— Не знаю, только это меня пугает, не болело никогда. Что же вы наделали?

— Но этот цветник ты же для одной себя все-таки создавала, — не пожалел-таки ее я. — Свобода от родителей, уехать со мной для своих дел.

— Ох, ничего вы не понимаете. Вы испортили все абсолютно.

И она даже разозлилась, и особенно на другой день зла была, заявив мне:

— Я у вас больше не работаю.

— Как, совсем? И что ты будешь делать?

— Поеду с Петькой в Воронеж, там попробую найти работу.

— И на Восток со мной не поедешь?

— Нет, и на Восток не поеду.

drugu

Боша, измучил меня этот канал. Неотвязно. Я чувствую постоянно ее эмоцию, направленную не на меня. И не знаю, что делать, от этого все идет прахом. Я бы все мог снести, пусть она там спит, но когда она обращает на другого человека свою душу, я сатанею. Может, потому что это уже моя душа, я ее в нее вдунул вместо той, прежней, агрессивной, нечеловечьей, из волчьей стаи, а она эту душу обращает НЕ ко мне. Это судьба, горькая судьба каждого учителя. Это только у Б. Шоу счастливо заканчивается. В жизни-то происходит все не так.

Вечером помолился, покаялся, что соблазняя малых сих, признался себе, что это опять чувство собственности, просто

возникшим между нами ощущением близости мне очень не хочется ни с кем делиться, еще не готов к этому, и озарение вдруг нашло: ее выбор — это мой выбор. Позвонил ей, сказал: твой выбор, девочка, прости. Поехал, встретился с ними обоими, познакомился еще раз с Петром, съездили в город, купили торт, привез их к себе домой с тортиком и этим ее убажрал. Она утихла и перестала злиться ко мне испытывать.

Петру сказал по дороге:

— Извини, приревновал тебя. Я привык уже к одному ее парню, к Сергею, а на тебя у меня уже не было места.

Боша, ты меня осуждаешь?

6

Вечером отец ее пришел ко мне с коньяком, чтобы, как он выразился, закрыть тему. Я уже был в другом настроении и не расположен к излияниям, и он мне был в обузу, но отказаться было бы слишком бестактно. Я даже согласился поехать с ним к нему домой, для чего он вызвал своего племянника, который отвез нас туда на своей машине.

Мы сидели на кухне, а Наташа с Петром — в глубине квартиры. Очень недовольная моим приездом. Потом она ушла демонстративно гулять с Петром на улицу, и пришли они только поздно вечером.

Мне было постелено в той же гостиной на диване.

Утром ушел из их дома пешком, пока все спали. До своей деревни добрался на попутке. Невыносимо было, я почти и не спал, мне казалось, что Наташа не хотела, чтобы я был там.

Утром приехал Геннадий,

— Чего ты исчез, Борисыч?

— Да захотелось домой, — и я несколько недовольным тоном высказал свое раздражение:

— Почему мне приходится перед тобой оправдываться? Ты сказал, надо закрыть тему... А я ни в чем не виноват. Я же ни на чем не настаиваю, ничего не требую, какая тема? Ты мне можешь запретить любить Наташу?

— Нет, не могу.

— Все доброе делается только на любви. Любовь всегда Божеское явление. Как ее можно обсуждать и считать темой? Всю

ситуацию я понимаю, постараюсь перебороть в себе, от тебя мне тут ничего не потребуется, может, и не придется уезжать, но если уеду, ты просто достроишь то, что начато.

...Но ты вот сказал что-то про материальное, какие-то деньги в твоей речи прозвучали. Сила денег. Давай не будем оскорблять ни Наташу, ни меня. И вот эту тему как раз закроем.

...Лена там уже пребывает в ужасе, зачем ты рассказал, она теперь в панике и со мной не разговаривает. Я же тебя просил.

С ним закончил, потом настал черед матери. Пришлось начинать первому. На следующий день ей объяснил:

— Я тут свечку ревности пережил жуткую...

— Я думала, у вас платоническая любовь... — проговорила она, надув губы. И рассказала мне, естественно, какой-то фильм, кажется, турецкий, кажется, «Птица певчая», где тоже немолодой, даже пожилой уже человек подобрал на улице девушку, привел в дом, обогрел, одел, бескорыстно помог ей с воспитанием и сделал ее даже в конце концов наследницей. Все на уровне платонических отношений. И я понял, что эта живет в другого рода клипе. Ну что взять с забитой женщины? И я понял, что с этой-то мне будет объясниться гораздо легче.

— Лена, понимаете, та девочка, с которой я четыре месяца сдувал пылинки, которую пестовал, наставлял, воспитывал, продавливал нужные мысли, с которой проводил все время, вдруг уходит от меня. Это жутко.

— Я даже дочь, — наврал я в оправдание себе, — ревновал, когда выдавал замуж, готов был жениху шею перегрызть, но потом ничего, привык и люблю их теперь обоих.

И еще, я привык уже объединять Наташу с Сергеем, какой бы он ни был, но это был суженый, а тут совсем другое и без подготовки.

И повел разговор об отношениях Наташи с Сергеем, об их кажущемся несоответствии друг другу, о том, что у них-то и была настоящая любовь, пусть он груб, невоспитан, но это у них обоим первое, и разрушать это...

— Как бы вся эта ситуация судьбинно не коснулась всех нас, — сказал я, объединяя уже всех в кучу, — и у нас не начались всюду косяки. Я тут с точки зрения своего опыта, извините, свои тараканы

в голове. Но тем не менее в первой детской любви много чего со- держится. Порча тут ни при чем. Тут какие-то более мощные мо- тивы. Может быть, Петр и лучше будет для нее с практической точки зрения, но надо быть ко всему готовым, хорошо, если эти косяки бу- дут незначительны. Три года искренней любви даром не проходят.

...Я сказал Геннадию о своей любви к Наташе, но он сразу на- чал: сколько тебе лет? При чем тут это? — и я перешел в насту- пление.

— Ну, он не понимает, — оттаяла жена. — Это просто рев- ность, — сказала совсем уже другим голосом. — Видите ли, у нас такое воспитание. Строгость во всем. Вы вот даже когда пригласили девочек к себе, подруг ее, Наташа рассказывала, на- лили им вина, мы это тогда очень дома обсуждали.

— Да что вы, Лена, это только для вида, для того, чтобы они чувствовали себя как бы взрослыми...

— Нет-нет, у нас не так. Только чай.

Господи, подумал я, как ей просто, если бы она знала, на- сколько в мире ее дочери и в способах воздействия на нее все сложнее!..

Но тем не менее ее успокоил и даже сделал своей союзни- цей, я даже знал, что она будет теперь испытывать ко мне жа- лость и нежность и всегда будет на моей стороне, и мне всег- да можно будет на нее рассчитывать. И именно она настояла на том, чтобы Наташа перед окончательным отъездом к Петру поя- вилась у меня дома, чтобы попрощаться. Сказав, что это ее, На- ташин, долг приехать перед помолвкой к человеку, который от- неся к ней так участливо.

Когда же Наташа появилась у меня, выполняя этот, как бы, долг, я по выражению ее лица видел с каким удовольствием она этот, как бы, долг приехать ко мне исполнила. Сразу заняв свое обычное кресло у камина и пустившись вслед за мной в плавание разговоров, по которым мы с ней так оба соскучились. Счастли- вые и радостные, будто совершившие величайшую в мире хи- трость, как школьники, наскучавшиеся и изголодавшиеся друг по другу, мы говорили с утра и до вечера.

— Ты же на Восток хотела не ради меня, а ради своей свобо- ды поехать, скажи честно.

— Я поеду с вами, поеду куда угодно.

— Чтобы там, прикрывшись мной, пуститься во все тяжкие.

— Ну, а что? А вы опять специально ревность во мне вызыва- ли. Последний крючок был, помните, когда вы три дня со мной не разговаривали и дали мне прочитать письмо жены.

А в конце, перед уходом, стало видно, как ей уходить не хо- чется, она даже заявила с проникновенностью:

— Я стала с вами лучше за это время, вы так много мне дали, и вы были правы насчет души и тела. Я вам врала, когда спорила, что есть только тело, что есть только один мир, я всегда чувство- вала вашу правоту, просто не соглашалась из чувства вредности. И по поводу разделения на жизнь духовную и телесную я тоже специально упорствовала. Вы и тут были правы. Только я думаю сейчас, что для жизни души я неспособна. И счастливой не могу быть. Счастливы могут быть, наверное, только монахи. Я — нет. Тело мое счастливо еще быть может, но не я сама.

— Кто меня еще так почувствует, когда мне плохо? Кто, как не вы?!

— Напишите что-нибудь о той мерзкой девчонке...

Это она уже говорила, стоя в дверях, собираясь уезжать, и я чувствовал, что она мнетя и хочет, чтобы мы обнялись.

— Вы всегда можете меня обнять в будущем, если захоти- те, и мы всегда сможем поцеловаться. На этом мои отношения с Петькой не отразятся.

— Для своих друзей я это оставляю... — поправилась она.

Я чувствовал, что стоило мне только привлечь ее к себе, и она мне даже отдастся. Сегодня отдастся. Но нет, как всегда приступ высоты момента, не хотелось его ронять. Не смог переступить.

И когда подвез ее к дому, расставаясь, сказал:

— Я тебя люблю.

И перед тем как ей выйти из машины, она сказала:

— Я люблю вас тоже.

Посидела одно мгновение, потом взялась за ручку дверки и вышла.

И ушла к своему Пете.

Чтобы на следующий день ехать к нему в Воронеж знакомить- ся с его родителями и целую неделю уже тайно от родителей,

о чем мне сказано было по секрету — поскольку в Воронеже у Петра своя отдельная квартира — вести супружескую жизнь. Медовая неделя.

А когда пришла домой, вдруг опять разболелась. Опять слабость напала, и так себя плохо чувствовала, что святой водой даже пришлось прыскать, и только после аспирина, когда ей дали его выпить, полегчало. А я после этого ее аспирина, приехав к себе домой, вспотел.

Послала мне СМСку, что заболела опять, что приступ слабости был. Так что мама святой водой брызгала.

«Это твоя душа плачет обо мне», — ответил я ей тоже сообщением, чтобы не вызывать ее на разговор при других.

«Может быть, вы и правы», — набрала она на мобильнике.

7

Твоя душа заплакалась совсем,
Стремясь чрез крепкую кольчугу тела
До разума добраться с тем,
Чтоб прокричать: Ты, тело, очумело!

— Это я ей послал СМСку ночью. Этаким экспромт:

Кричит уже неделю, но успеха нет.
Спит разум, хворь не действует, а что до тела...
То это ведь всегда лишь только тело...

Но она показала, похоже, этот мой полушутливый экспромт Петру, я это почувствовал, и у меня испортилось настроение. Почувствовал какое-то как бы предательство опять (как же, опять душа обратилась к нему). Злость и обиду испытал, и кончилось тем, что послал ей:

«Ты все врала. Ты притворялась».

Она ответила:

«Спасибо на этом».

И мы разругались, и даже хотя она на следующий день не поехала к Петру в его город, потому что все еще продолжала оставаться больной, мы все равно больше с ней до самого ее отъезда к Петру не виделись.

Может быть, она предала меня в тот день, чтобы оправдаться? А может, посмеялась. Почему-то почувствовал себя лохом. И почему-то подумал, что уже передумала избегать возбуждения и его глушить, и с Петром осуществит это на деле. И снова ревность!.. Такое заключение я извлек из ее рассказа о том, как она пожаловалась Пете, что ничего не чувствует, целуясь, а он сказал в ответ:

— Исправим.

А может быть, уже исправили? — и от этой мысли снова полез на стену.

Сразу вспомнилось то, как нежно она к нему относится, как сидят рядышком вместе, ходят обнявшись, хотя мне говорит, что это только прикрытие.

«Мы его там скрутим», — ведь опять врет!

Глупо, Боша, но чувствую себя лохом.

А на другой день ночью даже поднялся, тяжело, мрак в душе и, конечно, накрутил себя на злость, взял свечку и обнес весь дом по внутреннему периметру вдоль стен, выгоняя ее, стерву, ведьму. Пошла прочь! И ведь смешно, но как-то подействовало, лег спать и пусть тревожно, но спал еще до девяти часов.

В грудь как лом воткнули.

Боша, ты, конечно, надо мной смеешься.

okhotnik.ru

milashke

Не колдовство и не порча. Твои хвори связаны именно с нами и с твоим отношением к тому, что есть между нами. По крайней мере я чувствую себя дискомфортно, когда ты эту неделю болеешь, а поскольку я чувствую себя дискомфортно и в отчаянии практически все время эту неделю, то даже и не установить, как и с чем эти твои хвори связаны. С тобой, со мной, или с Петром? Но начинаться может хворь от отчаяния моего и мыслей, что ты близка (ведь не дай Бог еще улетишь!..) будешь с другим. Ведь мы вчера общались так близко и с таким пониманием (с добавлением твоей хитрости, конечно: за-

дабриваешь, ты ведь опять уезжаешь, как, помнишь, уезжая к Сергею, много ласкового мне наговорила и во многом для того, чтобы попросить потом больше не звонить). Так вот ты вчера, пока мы близко общались, была здорова. Даже «люблю» сказала на прощание. И я летел счастливый домой, пока ты не зашла в квартиру и не встретила с Петром, тогда опять на меня мрак нашел, пошли мысли, а дома задумался о твоей фразе «исправим» и взревновал безумно.

И злорадно подумал, что ты болеешь из-за меня. Из-за того, что нашу медиумическую связь нарушаешь.

Мой канал действует и на тебя тоже. Он действует в обоих направлениях.

Зрение у тебя стало хуже, хотя мы очки купили на Востоке, какие надо. Мне плохо было три дня, и тебе было плохо, нездорова была. Голова у тебя болит, по-моему, иногда вообще вместо моей. И сердечная боль на днях была твоя ли? Пусть у меня никогда не болело сердце, но твоя ли боль? Телесная ли это боль? И не связана ли с появлением Пети?

И сидит во мне убеждение, что она моя. Что только пытается сопротивляться. Старается убежать от этой неизбежности.

8

Надежде Серафимовне, приехавшей помочь мне по хозяйству, говорю:

— Вот они все это время дома одни были, а сейчас родители домой приехали, и они перестали целоваться. Дайте, пожалуйста, что-нибудь поесть. Хоть поем, пока перерыв. Весь день ведь не ел. Не могу, налейте что-нибудь, пока они не принялись опять там за свое мерзкое дело.

Смешно, когда посмотришь на себя со стороны. Но когда все это переживаешь, совсем не до смеха.

Кстати, уже перестала при словах о моей бывшей жене испытывать ревность. Раньше она сразу бросалась критиковать ее алчность. Запретила себе ревность? Такой прием?

Как смешно делалось в годы юности при взгляде всего только на один показанный тебе палец. Как смеялись, когда «Агдам» пили, такое вино было самое дешевое и отравя, конечно, изрядная. Еще и пепла от сигареты в него насыплешь, чтобы крепче брало, а то ведь всегда не хватало... И она теперь свой «Ягуар» называет моим «Агдамом».

Я говорил раньше постоянно: я не знаю, как я теперь без тебя буду жить.

— Ну, мы теперь не будем порознь. Все равно будем видеться.

На праздники вас уже не оставим. Либо с Петей, либо к тому времени Сергей из армии придет. Скрасим ваше одиночество. Вы нам какую-нибудь постельку-то на ночь выделите...

Вчера как раз была половина поста. «Пост пополам хряпнул». Может, поэтому Бог мне дал облегчение. Не страдаю ведь, больше просто злуюсь, форте играю. И хочется больше всего затаиться. Забиться в одиночество. На небо посмотреть. А она это почувствовала, я ей еще сказал, что любовь, кажется, на убыль пошла, и звонит теперь часто. И сбросила мне адрес песни:

«Зачем придумали любовь,
Понять всё это слишком сложно.
И без неё намного проще жить,
Только невозможно...»

И я сразу подумал, что, может, клюнет на мой уход, может, ее опять «динамой» завлечь, может, вернется?.. А не самому зарываться головой в песок или, как она говорит, «ныриться»...

А надо себя убедить, что я ценен, что она должна бы радоваться, что я обратил на нее внимание. Нет, не ценит, не понимает всех преимуществ своих, не хочет идти по моему пути — ну и к черту!

— У меня ритуал, — говорю я, возвращаясь с лыжной прогулки, по телефону, — приду домой, выпью рюмочку коньяка, сяду у камина, включу Буланову, закурю, поплачу.

Звонит, чтобы справиться как бы о моем самочувствии, и спрашивает:

— Ну что, ритуал соблюли?

— Нет, я теперь себе запретил. Только раскисаешь... Надо еще курить бросить...

— Ну, это мне параллельно...

Другими словами, это ей все равно...

— Все врут. И Петя в чем-то врут. Я могу догадываться только в чем.

На полгода пропал, а тут появился, про любовь говорит.

Я спрашиваю: где ты пропадал-то?

Он говорит, что с женой разводился. У него жена была, оказывается...

— Вот положи руку на сердце, ни на чем настаивать не буду, — говорю я, — но поймешь со временем, что он альфонс. Можешь не верить моему опыту, но так будет...

В самый последний день отъезда к Петру все же заскочила ко мне.

Включила опять у меня Буланову, которую я себе запретил. Я сразу ее обнял и постоял так. Потом второй раз включила, я взялся с ней танцевать. Она не хотела, стала мотать в танце головой.

— Это я так делаю, когда не хочу, — стала вертеть в моих руках всем телом.

— Чтобы чувства не было. Потому что, чтобы чувство было, надо вот как...

И положила мне на плечи руки и заплела их вокруг шеи. Но тут телефон ее зазвонил, сообщение пришло.

Вчера, оказывается, была годовщина встречи ее с Сергеем. Она забыла, говорит, только ночью вспомнила и послала ему СМСку, поздравив. И он в ответ поздравил ее. Я думал, ты забыла. Поздравляю и тебя за то, что было. Целую.

«Буду на вышке вспоминать, что ты есть, чтобы согреться...»

И опять сказала мне, что нельзя нам с вами ничего построить. Абсолютно нет у нас никакой перспективы.